Невестка

Алексей Кулаковский

SHOUT
SHARE
IT

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей
Невестка

Алексей Николаевич Кулаковский

Невестка

Повесть

Перевод с белорусского Владимира Жиженко и Романа Ерохина.

Данила наклонился над трухлявым подоконником и через оттаявший уголок стекла увидел Ларису. Шла она по улице в белом коротком полушубке - овчинки местной, крушниковской, выделки. Небольшой воротничок и манжеты - серые. Лариса промелькнула и исчезла, и Данила снова увидел то, что можно было видеть отсюда каждый божий день: низкую покривившуюся изгородь, чуть не до самой верхней жерди занесенную снегом, старую, протянувшую к небу голые ветви рябину у левого, если смотреть на улицу, угла хаты.

Старик с натугой выпрямился - болела поясница - и подошел к печке. Лезть на печь не хотелось: сегодня и там холодно. Присел на чечетковую колодку, иссеченную со всех сторон топором.

В хате была еще широкая скамья одному богу ведомо какого дерева. Чтобы определить это, ее нужно было бы дня два скрести и чистить. Стояла она и не падала потому только, что боком прислонилась к стене. Были еще стол и скамейка поменьше, а кровати у Данилы не было. Уже несколько лет кроватью Даниле служит печь. На печи он спит и зимой и летом, и не нужно ему думать, что там подостлать да чем застлать. Поэтому прошлой зимой, когда ударили холода, а дрова как раз вышли, Данила порубил кровать и добрую неделю топил ею печь.

Нынче тоже зима холодная, а дров, как и тогда, нет, и рубить возле дома уже нечего. Разве что вот эту рябину под окном?

Подумал Данила о рябине, и на душе стало еще тоскливее.

Посадил ее, когда был еще молодым, аккурат в тот год женился. Состарились они оба: и он, и рябина... Так разве рука на нее подымется? Возьмешь топор - все равно что на душу самому себе наступишь. Лучше уж запрячься завтра в саночки да податься в лес. Либо там и останешься, либо привезешь хоть немного хворосту...

Будто в поисках чего-нибудь на растопку, Данила обвел взглядом хату. Нигде ничего. Под лавкой лежало немного рыжей пеньки - это Данила вынес под полой из колхозной риги, где

вчера вил веревки. У порога валялось несколько мотков сухой лозы: летом Данила, когда еще так-сяк крепился, плел корзины. На припечке - семейная миска с оббитыми краями и одна-единственная ложка. Мусор на глиняном, уже сколько лет не мазанном полу.

Старику вспомнилось, что он только что видел Ларису. Пришла уже, видно, домой. Там у нее в хате тепленько, уютно и, наверно, чем-нибудь вкусным пахнет. Родители у нее еще не старые, ходят на колхозную работу, да если б и не ходили - она одна все хозяйство потянет. Дает же бог людям счастье!

Когда-то они вместе бегали в школу: Лариса, ее брат Павел и Витька, Данилин сын. Хиленькая была девчонка, и говорили, что учение ей туго давалось. Из школы бежала всегда первой и чуть ли не каждый день забегала к Даниле во двор, жаловалась на Витьку. То он, этот негодный мальчишка, ей репьев в волосы насажал, то зернышек от шиповника насыпал за шиворот, то нарисовал что-нибудь этакое в ее тетради. Данила каждый раз обещал надрать Витьке уши, иногда чувствовал, что и впрямь не мешало бы это сделать, но когда румянощекий озорник прибегал домой, у отца пропадала всякая злость. Хотелось скорее дать пополдничать сыну да позаботиться, чтоб ему не было скучно.

Теперь Виктор и Павел служат в армии, на сверхсрочной. Криницкие, родители Ларисы, по этому поводу особенно не горюют: за ними Лариса присмотрит. Они даже гордятся, что сын остался служить сверх срока. Гордится, конечно, своим сыном и Данила, но все-таки трудно ему жить одному.

Ночь Данила прокоротал, натянув на себя все, что нашлось в хате из одежды и старого тряпья. На рассвете сполз с печи, принялся ходить из угла в угол - разминать ноги. Захотелось выпить глоток воды. Взял тяжелую, из снарядной гильзы, кружку, сунул в ведро. Кружка коротко звякнула, словно ударившись о тонкое стекло. Вода в ведре замерзла. Данила грустно покачал головой, потом подпоясался потуже и стал поправлять на ногах валенки с желтыми бахилами. Нужно было ехать в лес.

Снегу за ночь намело много. Данила прокладывал по крушниковской улице первый след. Брел он согнувшись, тяжело сопел, хотя санки ползли за ним легко. Остановившись дух перевести, Данила услышал, что впереди него тоже кто-то сопит и даже время от времени не то стонет, не то бормочет. Пригляделся к снегу вокруг - нет, следов никаких не видно. Значит, навстречу человек идет. Еще несколько шагов, и Данила увидел, что встречный не идет, а лежит в снегу. "Что ж это? - забеспокоился он. - Может, нес что-нибудь на себе да из сил выбился, упал, а может, несчастье какое?.."

Но вот человек завозился в снегу, зло покрякивая, с трудом поднялся на ноги, выпрямился. Вкривь и вкось зашагал поперек улицы, едва-едва вытягивая из снега ноги и прикрываясь руками так, чтобы уберечь нос при очередном падении. Заметил Данилу.

- Кто тут такой? - спросил громко и властно. - Кого черт носит?

По голосу Данила угадал бригадира крушниковской бригады Шандыбовича.

- Что, не узнаешь? - отозвался.

- Куда едешь среди ночи? Воровать что-нибудь?

- Дура ты бородатая! - не вытерпел Данила. - Сам пил всю ночь - уж не на краденое ли? - а на людей брешешь. В лес еду. Чуть не одубел сегодня по твоей милости.

- А-а-а, в лес? - Шандыбович широко расставил ноги и тряхнул вывалянной в снегу бородой. - Это ты, Бирюк? Ну, езжай, езжай! Газуй!

Идти Даниле стало еще труднее, защемило в груди. Мало того что дома ох как трудно живется, так еще и в бригаде творится такое, что дальше некуда.

Пока добрался до леса, почти совсем рассвело. Присел на пень отдохнуть. Показалось, что и мороз полегчал. Не поднимаясь, начал прикидывать, что тут можно взять на скорую руку, чтобы не возиться долго. С тревогой увидел, что хоть лес и настоящий, а дров ладных нету. Если и было что сухое на земле, так теперь снегом завалено, а сухостой давно люди вырубили. Придется ездить с санками по лесу да ломать сучья.

Уже к полудню Данила почувствовал, что если он еще немного походит, так ноги совсем откажут, не захотят слушаться. Все чаще и чаще он присаживался на пни, но сил не прибывало. Когда наконец выехал в поле и взял путь на Крушники, идти стало легче, ветер подгонял в спину. Но стариковская легкость ненадежная. Через какие-нибудь полверсты Данила вдруг подумал, что до Крушников ему ни за что не дотянуть. Он изо всех сил старался отогнать эту мысль, звал на помощь сына, своего Витю, который все-таки должен приехать домой, должен уступить настойчивым просьбам отца. Но как ни силился Данила совладать с собой, жуткая мысль не уходила, а все глубже и глубже забиралась в душу, вызывала какой-то страх.

Бирюк остановился, протер, будто спросонья, глаза и, ступив шаг назад, сел на санки. Он верил, что, немного отдохнув, сможет встать, пройти сотню-другую шагов, а там должна быть дорога, какой-нибудь след, и идти станет легче.

Ветер заметно покрепчал, зашумел лес, и Данила невольно пожалел, что он уже не в лесу, а тут, среди голого поля. Затишней

там было, теплей и не так одиноко среди деревьев. А тут - голо, ни тропки, ни следа, только ветер гуляет - вон как расходился! Позовешь на помощь, так и голоса твоего никто не услышит.

"Ничего, Данила, ничего... Отдохнем и поедем... Да еще так поедем, что только полозья запоют. А дома натопим печь, наварим бульбы... Вот еще немножко посидим и поедем... Главное, как бы колени не застудить... Вот если бы чуточку вздремнуть..."

Эта мысль болью отдалась под сердцем. Беда, если вот так, на морозе, свалит сон! И тут же успокоение: почему вдруг беда? Целую ночь не спал, поехал без завтрака... Устал, да и все тут.

...Проснулся Данила, когда почувствовал, что кто-то крепко взял его за плечи и встряхнул. Испугался, едва не закричал, а глаза открыть все равно не мог.

- Что, папаша, отдыхаем? - словно издалека донесся до него голос.

Что-то твердое и шероховатое проворно пробежало по его ушам, по носу, по подбородку, упрятанному в воротник старого полушубка, потом вцепилось в сосульки на усах, бровях, на ресницах. Тогда Данила почувствовал, что это руки и притом без рукавиц. Больно было пошевелить веками, но он сделал усилие и слегка приоткрыл глаза. Перед ним стоял высокий немолодой человек в армяке с капюшоном, в новых белых валенках.

- Этак тут и заночевать недолго, - с упреком, а больше с тревогой заговорил он. - Как, встать можете? Нет? Ноги не отморозили? Давайте берите меня за плечи.

Человек довел Данилу до своего возка, усадил, прикрыл ноги сеном, потом вернулся, забрал санки с дровами и привязал их сзади к возку.

- Нате быстрей глотните! - велел он и поднес к губам Данилы солдатскую флягу с отвинченной пробкой.

Бирюка мучила жажда, и он готов был выпить все, что попадется, однако алюминиевая фляжка на миг насторожила его.

- Пейте, пейте! - подгонял человек.

Данила медленно протянул руку к доброжелательному рукаву, из которого торчало горлышко фляги, слегка толкнул его и сделал жадный глоток. Почувствовал, как приятно запекло внутри, а в нос отдало запахом спирта.

- Еще, еще пейте!

Данила приложился еще раз.

- Ну, как самочувствие? - начал расспрашивать человек, когда они выехали на дорогу. - Болит где-нибудь, щиплет?

- Да вроде нигде особенно не болит, - благодарно ответил Данила, колени только словно муравьи покусывают, да ничего,

отойдут. Я вот их еще потру, своими руками.

- Хорошо, что мы с вами вовремя встретились, - подхлестнув вожжами коня, сказал человек, - а то мороз такой да и ветер... Откуда вы сами?

- Из Крушников, - ответил Данила.

- А-а, так мы с вами, считай, соседи. Я из Поддубовской МТС, инструктор по зоне. Какой же это у вас там колхоз, дайте вспомнить?

- "Свобода", - подсказал Данила.

- Вот-вот! "Свобода"! Хочу работаю, не хочу - нет! Известный колхоз, известный! Только не с лучшей стороны, к сожалению. Ну что ж, всему свое время. Так как же это вы? На саночках за дровами да еще в такой мороз?

- Мороз и выгнал из хаты, - сказал Бирюк.

Первач на пустой желудок разогрел старика, разбудил мысли в голове и даже начал клонить к шутливому разговору, чего давно с Данилой не бывало.

- Как там дрова мои, едут за нами? - спросил он.

- Едут, - оглянувшись, сказал инструктор. - Так и подскакивают.

- Теперь несколько дней буду жить, как пан, - сказал Данила и засмеялся.

- А потом снова в лес?

- А потом снова поеду. Может, опять какой-нибудь начальник подберет на дороге и даст первача на обогрев.

- Нет, вы уж лучше не рискуйте, - посоветовал инструктор. - Попросите бригадира, пусть даст коня, возьмите еще кого-нибудь в помощь и навозите дров на всю зиму.

- Допросишься у нашего бригадира! Жди! Теперь-то хоть на санках, а летом я ведь на себе таскал дрова. Сколько их на себе принесешь!

- С председателем поговорите, - не отступал инструктор.

- С председателем? - Данила искоса взглянул на инструктора и в усмешке повел белыми от инея усами. - А я уж, пожалуй, с год не видел наших председателей. Ни старых, ни новых. Говорят, еще какого-то привезли недавно-Без нас ставят, без нас снимают. Мы далеко от правления - считай, полсотни километров, если летней дорогой ехать. Камчаткой нас зовут.

- Так-так, - печально покачал инструктор головой. - Тут, кажется, сенокос колхоза "Свобода"?

- Да какой там сенокос! - возразил Данила. - Гектаров десять болота. Его колхоз и не косил с тех пор, как укрупнились.

- Жаль, что вы не в нашей зоне, - заметил, вздохнув, инструктор, - а то нужно бы поинтересоваться, что там у вас за

порядки. Ну ничего, я в райкоме поговорю. А какая у вас семья? - добавил он, немного помолчав.

- Сын еще у меня, - с гордостью ответил Данила.

- Так что ж он?.. Пусть бы сын ехал в лес.

- Он у меня в армии, командиром!

- Вот оно что. И старухи нет?

- Нет и старухи. - Данила грустно опустил голову.

Когда до Крушников осталось каких-нибудь полкилометра, Данила поблагодарил инструктора, вылез из возка и отцепил свои санки.

- Я к вам как-нибудь заеду, - пообещал инструктор. - Не прогоните?

- Рады вам будем, - приветливо сказал Данила...

И вот наконец он дома.

Втащил санки прямо в хату, порубил хворост на своей колодке и затопил печь. Потом проломал лед в ведре и в той воде намыл картошки. Ужин получился отменный, давно такого не было. Спал Данила в эту ночь тоже хорошо и видел во сне свою жену Ульяну, молодую, белолицую, с серыми ласковыми глазами. Проснулся, так даже жалко стало, что сон был такой короткий.

Перед самой весной Данила получил письмо: Виктор скоро демобилизуется и приедет домой. Старика обуяла такая радость, что в тот день он не мог усидеть в хате. Положив письмо за пазуху, направился в колхозную ригу к своему "веревочному комбайну", как тут шутили, хотя сегодня "комбайн" бездействовал - не было пеньки. Даниле просто хотелось пройтись по улице, чтобы кого-нибудь встретить и поделиться своей радостью. Попался навстречу глухонемой конюх Мефодий. Данила остановил его за рукав, показал знаками, что его сын - ну вот, звездочки на фуражке и с погонами - приезжает оттуда махнул рукою на север - домой. Насовсем приезжает. И он достал из-за пазухи синий конверт со штемпелями.

Мефодий с полным пониманием дела радостно выдавил тот единственный звук, который произносил во всех случаях жизни, тряхнул головой и зашагал дальше.

Дома Бирюк до боли в спине гнулся, все наводил порядок, прихорашивал хату. Повыносил в чулан рыжую пеньку, что валялась под скамьей, сухую лозу и разную ненужную рухлядь. Два дня мозолил ладони лопатой - равнял глиняный пол.

Беспокоило только то, что в хате снова не было дров. А привезти нелегкое дело. На санках не поедешь, дорогу уже развезло, да и сколько возьмешь-то на санки. К бригадиру пойти? Так попробуй подойди к нему! Прогонит, бородатый, слова не даст сказать.

И решил тут Данила пойти на хитрость, хоть, может, после и боком она выйдет, эта хитрость. Да ведь сын приедет, не страшно!

Всем было известно, что Шандыбовичиха, жена бригадира, гонит самогонку, и много гонит, больше всех в Крушниках. И купить у нее всегда можно, только за что же купишь? Попробовать разве уговорить, чтобы взаймы уступила поллитровку? Пообещать ей хоть все свое имущество, движимое и недвижимое.

Долго Бирюк ожидал такой минуты, чтобы бригадирова жена была одна дома. Наконец дождался - Шандыбовича позвали куда-то на ужин. Лучшего случая и не придумаешь. Подошел к их хате, тихонько постучал в окно (он слышал - вот так стучат люди, когда приходят сюда за самогонкой).

Хозяйка отворила дверь и всплеснула руками от удивления:

- Что это? Не иначе волк в лесу издох! Никогда же вы к нам не заглядывали! Проходите в хату, садитесь. Если к старику моему, так нету, знаете, его дома. Но я передам, если что нужно.

- Нет, я к вам, - остановившись у порога, сказал Данила. - Сын мой днями приезжает... так сами понимаете... Надо бы встретить по-человечески, да вот нету, как говорится... - Старик бросил взгляд на шеренгу пустых бутылок, которые выстроились на полке.

- Приезжает Виктор? - удивленно переспросила хозяйка. - Вот это новость! Слышишь там? Виктор Бирюков приезжает!

- У меня вот и письмо за пазухой, - похлопал себя по груди Данила.

- Пускай его приезжает, - донесся безразличный голос из боковушки, которая служила бригадиру и конторой.

Данила знал, что это, конечно, Ольга сказала, бригадирова дочь. Она не то учетчица, не то счетовод в бригаде - никто этого толком не мог разобрать.

- Не очень мы богаты насчет того, что вы просите, - мягко заговорила хозяйка, - да уж ради такого праздника нужно поделиться.

- Спасибо вам, спасибо! - принялся повторять Данила, чуть не кланяясь хозяйке в пояс. - Мы заплатим, как приедет сын, а если хотите, я вам отработаю - корзину могу сплести или там еще что-нибудь...

- Да уж как-нибудь помиримся, - доброжелательно сказала хозяйка.

Раздобыв поллитровку у бригадирши, Данила стал подстерегать на улице самого бригадира. Вообще-то поймать его было нетрудно, он часто прохаживался взад-вперед по улице, но вот улучить момент, чтобы встретить начальство трезвым, - было

почти невозможно. А говорить с Шандыбовичем пьяным - пустое дело, нарвешься на ругань, и только.

Все-таки Даниле повезло и на этот раз. Вышел он на другой день чуть свет на улицу, видит - идет Шандыбович с какой-то папкой в руках. А главное - ровно идет и шаг твердый, значит, еще не успел нигде клюкнуть. Данила ему наперерез.

- Помоги, Адам, старику, дай коня в лес съездить. В хате ни щепочки нету.

- Никому сейчас не даю лошадей! - начал отмахиваться бригадир. Отдыхают перед посевной.

- Сын у меня приезжает, Адам!

- Приедет - вот и сходите вместе, принесете хворосту.

- Так я ж не так себе... Послушай! - Данила извлек из-за пазухи бутылку.

Шандыбович остановился, делая вид, что на бутылку не обращает никакого внимания.

- Так, говоришь, сын приезжает? Тэ-эк. Ладно! Знай мою доброту! - Он привычным движением сгреб бутылку и сунул себе в карман. - Иди скажи конюху!

- Да как же ему скажешь?

- Покажи на бороду, он и поймет. Кажется, тут я один бородатый, ты ведь свою выщипываешь.

- Какая уж у меня борода, - засмеялся Данила, - три волосинки. Слушай, Адам, а може, записку какую напишешь?

- Не нужно никакой записки! - раздраженно махнул рукой бригадир. Мефодий все равно читать не умеет. Щипнешь за остатки своей щетины два раза - вот так. - Шандыбович дернул свою рыжую бороду сначала за одну половину, потом за другу. - Вот тогда он тебе уже не откажет.

Когда Данила ехал в лес, заметил, что из хаты Криницких выбежала Лариса с кистью в руках, в фартуке, густо забрызганном известкой.

"Белит хату, - подумал Бирюк. - А перед чем бы это? Рождество давно прошло, а до пасхи и Первого мая далеко. Значит, Павел приезжает".

И как-то не по себе стало Даниле от этой мысли. Криницкие всегда жили лучше, чем он, и в семье у них ладилось, и хозяйство шло хорошо. Поэтому Бирюк чуть ли не всю жизнь в душе завидовал им. Вот и теперь думалось, что если Павел и Виктор придут домой вместе, то радости у него, у Данилы, будет меньше. Павел, наверно, и одет будет лучше, и, может быть, командир он постарше, и подарков родителям больше навезет. Рядом с ним Виктор будет проигрывать. А разве его Витя хуже кого бы там ни было?

И вот хлопцы приехали. Один чуть пораньше, другой чуть попозже, но получилось так, что на улицу они вышли вместе. На радость Даниле, все увидели, что Виктор выглядел лучше и стройнее, чем Павел. У Виктора сапоги были хромовые и блестели так, что хоть глядись в них, как в зеркало. У Павла же - простые, яловые, и хоть тоже блестели, но уже совсем не тем блеском. У Вити шинель была новенькая, с ловко подогнанной спинкой, а у Павла, наоборот, не новая, со складками на спине, со старательно отчищенными, но все-таки заметными пятнами на рукавах. Что же касается воинских званий, так оба они были старшими сержантами, только у Павла погоны танкистские, а у Виктора - общевойсковые, с белыми лычками. Правда, в этом мало кто в Крушниках разбирался толком, а Данила и вовсе ничего не понимал.

Когда же в бригаде узнали о том, что Виктор привез отцу новые кирзовые сапоги и стеганку, то некоторые готовы были на руках носить такого парня.

На другой день Павел снял погоны и пошел в соседнюю МТС наниматься на работу, а Виктор еще долго ходил в полной форме. Иной раз он озабоченно советовался с отцом, как жить - оставаться дома или попытаться найти работу в районном центре. А может, податься в Минск?

У Данилы слезы навертывались на глаза, когда он думал, что снова останется один-одинешенек. Но чтобы не мешать счастью сына, соглашался на все. Жить немного осталось, как-нибудь проживется. А сыну хорошо бы иметь чистую службу. Все-таки семилетку окончил, да и в армии, наверно, учился.

И Виктор до поры до времени ходил вольным казаком. Форма на нем всегда была чистенькая, сапоги блестели. По вечерам в клубе девчата засматривались на него. Приглянулся, видно, хлопец и Ольге бригадировой, потому что в один из вечеров Шандыбович пригласил его к себе - посидеть, потолковать.

На столе, конечно, появилась бутылка, закуска была подана что надо. Рядом с хозяином на скамье сидела хозяйка, еще розовая от возни возле печки и готовая говорить без конца, а напротив - дочь Ольга, рыжеватенькая, с маленьким личиком. В ее живых искристых глазах, в хитроватой, но приятной улыбке было что-то привлекательное, симпатичное.

Хозяйка подсовывала Виктору по очереди все, что было на столе. При этом она все время говорила такое, что парень не знал, как относиться к ее словам.

- Попробуйте, - просила она, показывая на свежий круг жареной колбасы, - вы же, видно, еще не кололи? Берите больше, - придвигала она сковородку с яичницей, - у вас же куры еще не

несутся?

Виктор понимал, что все это говорилось не от души, но решил не обращать внимания. Знает Шандыбовичиха, что у его отца нет ни свиней, ни кур... Подумаешь, пускай себе знает.

Пока выпивали и закусывали, шла обычная беседа о домашних делах, а когда бутылка опустела и хозяин, отвалившись к подоконнику, принялся ковырять в зубах, хозяйка вдруг вспомнила, что у нее есть какое-то неотложное дело. Вслед за нею поднялась из-за стола и Ольга. Между мужчинами пошел разговор уже не на домашние темы, хотя для Виктора это было неожиданным.

- Так как оно, товарищ старший сержант? - начал бригадир, не выпуская из зубов сломанной спички. - Пора, видно, снимать погоны?

При этих словах Шандыбович сначала как-то прикусил свои влажные от жира губы, а потом улыбнулся и погладил бороду. Он не был пьян, возможно потому, что собирался серьезно поговорить с человеком. Некоторые замечали, что дома Шандыбович вообще никогда не напивался.

- Кто его знает, - нерешительно ответил Виктор. - Может, и еще с годик, а то и больше придется поносить форму.

- Это почему же?

- Пойду в часть какую-нибудь тут, поблизости, попрошусь, чтобы взяли.

- А здесь не найдется работы?

- Да вот пока не слыхать подходящей. Сами справляетесь.

Бригадир вынул изо рта спичку, опять прикусил нижнюю губу. Борода его при этом дернулась и встала почти торчком.

- Ну, справляемся мы или не справляемся - про это начальство скажет, заметил он после короткого молчания. - А я только говорю, что у нас для тебя работа найдется. Кем ты в армии был? Кладовщиком?? Ну и у нас склад есть. Правда, там пока сидит человек, но ради демобилизованного это можно исправить.

- Я заведующим складом был, - опустив голову, сказал Виктор.

- Ну и у нас будешь заведующим. - Шандыбович придвинулся ближе к гостю и заговорил тише: - Я это из уважения к тебе. Был я тут председателем, ты же знаешь, до укрупнения, так батьку твоего поддерживал. То к буртам его, бывало, приставлю сторожем, то к молотилке...

- А теперь он на себе дрова возит, - не удержался Виктор.

- Ну что ж ты сравниваешь? - Бригадир скривился, и его борода от этого поехала в сторону. - Разве можно равнять, что

теперь и что раньше было. Все лучшее ушло от нас в остальные бригады. Подстригли, подравняли всех. А твой старик тоже цаца хорошая. Что, трудно было прийти? Попросил недавно - я и слова не сказал, разрешил.

Виктор молча усмехнулся.

- Примешь склад, - продолжал бригадир, - и лучшего места тебе не надо. Если до чего-нибудь в первые дни сам не дойдешь, вот, - он показал глазами на боковушку, - Ольга поможет. Она, брат, у нас все умеет.

- И заменит иной раз, если надо, - вставила, входя, хозяйка.

Бригадир сурово глянул на нее, и та замолчала, принялась старательно складывать дрова. Шандыбович не любил, когда женщины вмешивались в мужской разговор.

- Я только из уважения, - снова повторил он. - Жили бы по-соседски, как и раньше, с твоим батькой. А там... - Хозяин хитро сморщился, и две половины его бороды будто отвернулись одна от другой. - А там кто знает? Если бы, дай бог, все хорошо было, так, может, и породнились бы.

Виктор смущенно заморгал и без нужды поправил рукой свою короткую светлую стрижку.

- Может, еще по маленькой возьмем? - спросил бригадир и уже ласково взглянул на хозяйку.

Виктор помотал головой.

- Так ты, мать, иди, иди! - приказал Шандыбович, и глаза его сурово и как-то лихорадочно блеснули. - Завтра приезжает к нам высокий гость, - завел бригадир новый разговор, - так надо приготовиться - куренка какого-нибудь прикончить, поросеночка.

- А что за гость? - поинтересовался Виктор.

- Председатель колхоза нашего.

Виктор так громко захохотал, что бригадир даже отпрянул от него.

- Вот нашли гостя! Он ведь каждый день должен бывать в бригаде. Это его обязанность!

- Ну, не очень-то побываешь каждый день, когда тут даль такая, сдержанно заметил бригадир. - Легковой машины у него еще нет, а на грузовой бока поотбиваешь на пнях да на колдобинах. Должен тебе сказать, сосед, не очень везет нам в эти годы с председателем. Меняются, как карты. Не успеешь привыкнуть к человеку, разглядеть его как следует, а тут раз - бумажка: уже сняли. С год назад сунули на ферму нашего старого председателя, прислали из района заведующую чайной. Ну, чайная так чайная. Нам что? Особенно тут, в Крушниках. Помощи большой мы ни от кого не ждали и не ждем. Нам важно, чтобы не особенно мешал человек. Ну, эта чайная всего один раз и

побывала тут. Выспалась, сходила по ягоды, и после этого мы ее больше и не видели. Говорят, послали на какой-то маслозавод.

Привезли нового председателя, уже из области. Старый человек, лет под шестьдесят. Был начальником тюрьмы в областном городе, да, видно, по старости уволился. Этот часто приезжал к нам. И вот, скажи ты, - начальник тюрьмы, а человек был добрый, тихий. Позавтракаем, бывало, с ним, тогда я запрягаю жеребчика и везу председателя на речку. Высаживаю его там на берег, ставлю рядом бутылку первача, кладу кусок сала, полбуханки хлеба и еду по делам. А он целый день сидит на берегу с удочкой. Вечером домой привожу. По неделе, а то и больше у нас жил.

Перевели куда-то и этого человека, говорят, как будто директором детского дома поставили. И вот теперь, месяц тому назад, приехал этот самый высокий гость, от которого тебе смешно стало. - Бригадир горько скривился и махнул рукой. - Черт его знает, что за человек! Был недавно я там, у него. На дверях табличка висит: "Без дела не входить! Прием с таких-то до таких-то". Попросил бухгалтера, чтобы доложил про меня. Тот скрылся за дверью, возвращается, нос задрал. "Попозже, - говорит, - зайди, занят председатель".

Захожу через полчаса. Сидит за широченным столом мужчина, моих примерно лет, только без бороды. Чистый, гладкий, министерский костюм на нем. Рядом, за меньшим столиком, сидит девушка и пишет под его диктовку. Пока не кончил диктовать, не заговорил со мной. А что, ты думаешь, диктовал? Наряд на завтрашний день, обыкновенный наряд. Я такие наряды по памяти раздаю.

Расспрашивал я потом у своих людей, что это за птица. Вот завтра приедет сюда, посмотришь. Предчувствую, что будет шуметь, так мы уж, Витя, давай вместе реагировать на критику. Ладно?

На другой день чуть не с самого утра бригадир маячил в конце улицы, все поглядывал на дорогу. Когда из-за горки показался грузовик, он побежал навстречу, размахивая руками. Председатель не остановился на дороге. Он вылез из машины уже в деревне и там дожидался бригадира, который бежал к нему так резво, что борода его прижималась к кадыку. Ни приветственных речей, ни намеков на то, что с дороги не мешало бы отдохнуть, председатель не захотел и слушать - сразу же засыпал бригадира вопросами. Ответов требовал точных, с цифрами в руках, поэтому Шандыбовичу пришлось позвать дочку. Про что удалось рассказать толково, тем уже председатель больше и не интересовался, а там, где бригадир вдруг начинал бормотать и

забывал приводить цифры, - он проверял лично.

Вечером было собрание. Новый председатель произнес очень длинную речь, но все прослушали ее внимательно, потому что никто до него так гладко не говорил и никто так красиво не размахивал руками. Когда пришло время выступать с мест, все молчали, а потом из углов начало выплывать привычное и до горькоты шаблонное: "Все ясно!"

Шандыбович уже мысленно благословлял это собрание и с наслаждением представлял себе, как он сейчас выпьет с новым председателем и закусит нежной поросятинкой. Вот тогда-то неожиданно для него и, пожалуй, для всех в полумраке бывшего колхозного, а теперь бригадного клуба поднялась рука с блестящими военными пуговицами на манжете.

- Пожалуйста! - бодро, как будто даже обрадованно сказал председатель. - Как ваша фамилия, товарищ?

- Бирюк, - негромко отозвался Виктор, протискиваясь к столу.

Начал хлопец говорить, и почти у всех посветлели лица, а борода у Шандыбовича как-то странно задергалась. Людям было приятно, что и Виктор умеет говорить гладко и даже руками размахивает, пожалуй, не хуже председателя. А главное - правду говорит парень и про бригадира, и про все здешние порядки.

Возвращаясь с собрания, Виктор нагнал девчат - шли они почему-то очень уж медленно. Едва не задев Виктора за рукав шинели, прошли Шандыбович с председателем. Ясно, что сейчас свернут во двор к бригадиру.

Девчата молчали, потому что среди них была Ольга. Никому не хотелось обижать подругу, вспоминая про такое неудачное для ее отца собрание. Девушка поняла это и - искренне или неискренне - заговорила сама.

- Ты правильно поступил, Витя, - сказала она как будто совсем спокойным голосом. - У нас очень мало критики и самокритики. Правда, Лариса?

Лариса не стала возражать, просто смолчала... Только когда они с Виктором остались вдвоем, тихонько тронула парня за локоть.

- Я просто завидовала тебе сегодня, - с нескрываемой радостью заговорила она. - Встаешь себе спокойно, уверенно, как в своей хате, и начинаешь говорить. Каждое слово на месте, и жест, и все... А вот я не могу выступать на собраниях. И знаю, о чем нужно сказать, и слова на память приходят, волнуюсь, кипит все внутри, а как подумаю, что нужно выйти да стать перед людьми, желтеет в глазах и все выскакивает из головы. У нас и Павел такой.

- Ну, тебе-то по штату положено выступать, как секретарю

комсомольской организации.

- Положено, а не могу, - словно оправдываясь, ответила Лариса.

Вечер был нехолодный, хотя весна еще и не вступила в свои права. К ночи немного подморозило, и если кто шел, то сапоги местами громко стучали по голой земле, а местами разламывали с хрустом ледовую корку. На полях, в низинах снег лежал еще повсюду, и дорога держалась зимняя.

Виктор и Лариса стояли в тот вечер у калитки Криницких до тех пор, пока ноги у обоих не закоченели, а на рассвете хлопец ушел из деревни, ничего не сказав ни Ларисе, ни отцу.

Данила проснулся только тогда, когда Виктор, уходя, громко скрипнул дверями в сенях. Старик слез с печи, обулся и принялся готовить завтрак. Наварив бульбы и поджарив немного сала, принесенного откуда-то Виктором, он закрыл печь заслонкой и стал ждать сына. Однако прошел час, подходил к концу другой, а Виктора все не было. Данила решил пройтись по улице, посмотреть: может, зашел куда-нибудь сын, может, дело какое задержало? Замедлил шаг у хаты Шандыбовичей. Старик не был вчера на собрании и не знал, что Виктор теперь уже, видно, долго не пойдет к Шандыбовичам. Прошел до бригадного двора, заглянул на свиноферму - сына нигде не было. Возвращаясь назад, встретил Ларису. Девушка очень ласково и весело поздоровалась с ним. Данила оглянулся и с минуту смотрел ей вслед, думая, что, может быть, за этим есть какая-нибудь загадка. Однако окликнуть Ларису и спросить не отважился.

Дома старик ел в одиночестве холодную бульбу и все думал, куда же это мог так внезапно исчезнуть сын. Хоть бы слово сказал! Разве ж так можно?

Виктор в тот день так и не пришел, не было его и назавтра, и послезавтра. Уже все Крушники знали, что Данилин сын тайком ушел куда-то из дому. Лариса часто пробегала мимо двора Бирюков, бледная, встревоженная, и все поглядывала на окна хаты. Незаметно прошлась раз-другой возле палисадника и Ольга. Наверное, и у нее не совсем спокойно было на сердце.

А к Даниле снова вернулись невеселые думы, еще горше затосковал старик. Казалось, никогда еще не бывало так тяжко на сердце. Не было прежде сына дома - что поделаешь? Привык как-то и ждал. Знал, что хоть через несколько лет, но вернется же хлопец домой, если жив будет.

А тут совсем ничего неизвестно. Может, бросил сын отца навсегда. Бросил и ушел, не сказал ни слова. И за что? В чем отец провинился?..

Данила глядел с печи на широкую старую скамью, и ему

казалось, что в негустых сумерках он видит свою покойницу жену, свою Ульяну. Сидит она на скамье с маленьким Витей на руках и так мило и немножко грустно улыбается...

Женился Данила поздно, тогда ему уже перевалило за тридцать. Ульяна была девушка молодая, по красоте мало кому тут, в Крушниках, уступала и любила своего Данилу всей душой, крепко, преданно. Первые годы семейной жизни прошли у Данилы так светло, будто в те времена над Крушниками солнце не заходило ни на минуту. Каждый день приносил радость, легкой казалась любая работа, не омрачали счастья ни бедность, ни нужда. А впереди ждала еще большая радость - детишки, своя, настоящая семья.

И вот проходили годы, а деток у Данилы не было. Старел помаленьку Данила, входила в женскую пору, хотя и не теряла от этого своей красоты, Ульяна. Снились им дети, а счастье постепенно покидало хату. Целыми часами, бывало, бродил, тяжко задумавшись, Данила, угасали от проклятущей загадки карие глаза Ульяны. В душе она кляла себя за то, что сделала несчастным Данилу, хотя и не чувствовала за собой никакой вины. Данила, наоборот, считал, что бог наказал только его, а из-за этого мучается и жена. Таясь друг от дружки, они все больше заглядывались на чужих детей, когда выпадал случай, баловали их и плакали от неизведанной радости и от своего горя. У Данилы выработалась привычка носить в карманах что-нибудь интересное или вкусное для детишек. Соседская детвора его любила, и нередко малыши встречали его веселее и радостнее, чем своих отцов.

Так были прожиты лучшие годы, и только через добрый десяток лет после женитьбы у Данилы родился сын. Большое счастье пришло в дом. Данила даже боялся за него, потому что за прошедшие годы потерял веру в свою судьбу. Не было ночи, чтобы он несколько раз не подошел к колыбельке, не послушал, как спит маленький, ровно ли дышит. А соберется днем на работу, так не знает, как расстаться с сыном. Жену не пускал никуда, сам тянул за двоих.

И хотя прибавилось вдвое забот, да и годы шли своим чередом, молодел Данила прямо на глазах у людей, в работе не знал усталости, а ходил - ног под собой не чуял. Преобразилась и Ульяна, да так, что снова мало кто в Крушниках мог сравниться с нею. Стала такой веселой и глядела людям в глаза так прямо и светло, что казалось, она все время радуется жизни, любуется ею и не может налюбоваться.

Вите было уже больше двух лет, когда Данила, играя однажды с ним в хате, заметил в детской улыбке как будто не

совсем знакомую черточку. Защемило у него под сердцем, несколько ночей не спал, но все-таки задушил в себе страшную думку, не дал ей воли. Долго не брал сына на руки, боялся нехорошо подумать про жену. А тянуло к малышу страшно, иной раз места себе не находил. И жалко было дитенка, так жалко, что порой слезы еле удерживал. Он-то чем виноват, бедный? Бежит навстречу, тянет ручонки и не знает, что отец смог подумать про него так плохо и обидно.

Время, как известно, - великий лекарь. Прошел месяц, другой, и Данила уже совсем было излечился от своей необычной хвори. Ульяна не могла нарадоваться, снова встречая на себе веселый, любящий взгляд мужа, хотя и не догадывалась, почему Данила так долго был хмурым и задумчивым. Но вот однажды старый Шандыбович, земля ему колом, отец нынешнего бригадира (Данила всю жизнь проклинает его), сказал спьяну, что, по его догадкам, у него уже есть внук, хоть и не в своей хате.

Данила прослышал об этом и, ослепленный, не сдержался, упрекнул Ульяну. Она проплакала несколько ночей кряду, потом стала чернеть, сохнуть и вскорости умерла.

И больше уже никогда не замечал Данила незнакомой черточки на светлом и бесконечно дорогом личике сына. Словно в поисках успокоения для своей совести, словно замаливая вину перед покойницей Ульяной, а главное - от такого отцовского чувства, какого еще свет не знал, стал Данила жить только для сына. Изредка невольная злость закипала в нем, вспыхивала обида на того, кто пустил такую жуткую, губительную сплетню...

Виктор вернулся домой так же неожиданно, как ушел. Он принес выписку из протокола правления колхоза о назначении его бригадиром крушниковской бригады. На выписке стояла круглая печать и замысловатая, чуть ли не на всю страницу, подпись председателя.

Шандыбович долго рассматривал эту бумажку, пощипывая бороду. Хотя все в выписке выглядело правильным и было довольно внушительно, бригадир не поверил ей и сам подался в правление. Его не было несколько дней, и все это время Крушники оставались без начальства, отчего, разумеется, ничто здесь не ухудшилось и не улучшилось.

В тот день, когда Виктор принял бригаду, Данила натянул подаренные сыном кирзовые сапоги, стеганку и неторопливо прошелся улицей. Была как раз самая распутица, грязь всюду - по колено. В такую пору его старые, на любой сезон, бахилы были бы как нельзя более кстати, но Бирюк не пожалел и сапог. Пусть хоть раз увидят люди, что и он может быть счастливым, пусть и позавидует кто-нибудь, если найдется такой завистливый.

Старик верил, что жизнь теперь у него пойдет радостно и гладко. Правда, пока он был в доме скорее за хозяйку, чем за хозяина: готовил сыну завтрак, варил щи да тушил бульбу на обед. Но он готов был делать для сына все что угодно, лишь бы только Витя не покидал его, жил дома. А мысли шли, конечно, дальше. Даст бог, придет время, что и кухарить ему не нужно будет: появится в хате молодая хозяйка, присмотрит и за сыном и за отцом. И мыслям этим конца не было. Каждый раз вставал перед глазами внучек - круглолицый, беленький, точь-в-точь как был когда-то Витя.

Время от времени, завтракая вместе или за обедом, Данила намекал сыну про женитьбу. Тот, добродушно улыбаясь, крутил головой и говорил, что сейчас ему некогда и думать об этом, нужно наводить порядок в бригаде.

И действительно, Виктор целые дни был занят работой. Он, казалось, слишком даже активно месил грязь по улице, каждый час находил себе дело, может быть, и не разбираясь как следует, нужное оно или нет. Чуть ли не ежедневно из правления приходили бумажки с размашистой, замысловатой подписью. Новый бригадир старался в точности исполнять все, что там было написано, и регулярно посылал отчеты в правление.

Когда сын приходил домой позднее обычного, Данила быстро слезал с печи, чтобы открыть ему, а потом, пока не возвращался вспугнутый стариковский сон, думал: с кем же это парень стоял сегодня у калитки? Пока на примете у старика были только двое - Ольга и Лариса. А что, если сын вдруг спросит: к которой свататься, которая нам больше подходит? Вот и гадай тогда, что ему сказать. Ольга, конечно, побогаче. У этой всякого добра много, да и папаша большое приданое даст. Зато Лариса лицом красивее и ласковая, никогда никого не обидит. Насчет Ольги были еще и другие мысли. Не виновата, правда, девчонка, но уж очень, если подумать, отец у нее не такой какой-то человек. Не любят его люди. И не потому Данила так относился к своему соседу, что тот едва не каждый раз при встрече вызывал у старика воспоминания о былом. Прожитые годы многое стерли из памяти. Бывший бригадир не нравился ему просто как человек, своим характером. И все-таки бывали во время этих ночных размышлений у Данилы трудные минуты, да такие трудные, что не хватало сил бороться с собой. Стукнет вдруг в голову, что Ольга, может быть, сестра Виктору, и сразу темнеет в глазах, не хочется жить на свете.

Когда Данила заводил дома разговор про Ольгу, сын безразлично улыбался и чаще всего сводил все на шутку. Тогда отец и радовался в душе и словно бы о чем-то жалел. О чем

жалел - это ясно. Разве плохо было бы сразу поставить в хлев корову, загнать в катух, который уже столько лет пустует, гладкого кабанчика?

Когда же хоть одним словом упоминалась Лариса, глаза у Виктора загорались, он смотрел на отца с радостным возбуждением.

Лариса стояла на мостике с низкими перильцами и смотрела на широкое поле. Под мостиком спокойно, с тихим говорком текла речка. Какой ласковой и красивой стала теперь эта речка! Берега зеленые, мягкие, так и манят к себе. Вода чистая, прозрачная, на дне каждый камушек виден.

А кажется, еще совсем недавно речка была бурной и грозной. Вода шумела под самым настилом мостика и несла мелкие льдины и почерневшие комья снега. Страшно было подумать, что произойдет, если вода поднимется еще хоть на несколько сантиметров. Неудержимые потоки сорвут тогда мостик и понесут его в другую, большую реку, а оттуда - прямо в море.

Страшно тогда было стоять на этом мостике одной. Но с Виктором забывался всякий страх.

В тот день они вдвоем осматривали участок, отведенный под лен. Не везде еще можно было пройти, так что всего поля не осмотрели. После воды и вязкой грязи под ногами они почувствовали на мостике такую легкость, словно стояли на клубной сцене. Лариса оперлась ладонями о сухие и, казалось, даже согретые дневным солнцем перильца. Короткий полушубок с серой барашковой отделкой расстегнула. Кубанка из такой же самой овчинки держалась, видно, только на тугом узле темно-русых волос. Весь лоб у девушки был открыт, щеки розовели от долгой и трудной ходьбы и вешнего ветра.

Виктор был в ладно скроенном бушлатике, в летней фуражке с едва заметным следом на том месте околышка, где недавно была красная звездочка. Он наклонился над перилами, пытаясь достать рукой воду, и Лариса вскрикнула, неожиданно для себя схватила парня за плечи. Виктор выпрямился, с радостным удивлением посмотрел на девушку.

- Мне показалось, - со смущенной улыбкой проговорила она, - что перила зашатались.

Виктор ласково взял ее за руки.

- Тут все сделано прочно, - сочувственно произнес он. - Только долго не смотри в воду, может голова закружиться. Смотри лучше на меня, Лара.

- А ты на меня смотришь?

- Смотрю, Лариса, с малых лет я на тебя смотрю, если хочешь знать.

- Не вспоминай лучше, - все еще продолжая шутить, сказала Лариса. Житья мне не давал!

- Потому что любил, - крепко сжимая ее руки, сказал Виктор, - только сам об этом не знал. Лариса, милая! Теперь-то я знаю! Днем и ночью думаю о тебе. - Он потихоньку, несмело привлек ее к себе.

Девушка не вырывала рук, а только смотрела на Виктора как-то совсем-совсем по-особенному. Молчала и смотрела, даже не улыбалась. Глаза ее блестели, и казалось в весенних сумерках, что речка, стремительная и неугомонная, отражалась в них.

Вдруг она сильным рывком высвободила свои руки. Виктор вздрогнул. Но не успел он прийти в себя, как девушка, так же мгновенно и порывисто, обхватила его за шею и упала лицом ему на грудь.

...Пускай бы и снесло в эту минуту крушниковский мостик! Пускай бы он мчал их на бурных волнах в самое синее море! Не страшно! Поплыла бы Лариса хоть на край света, но только вместе с Витей, только бы держать его вот так в первых своих девичьих объятиях и чувствовать радостный, неудержимый стук его сердца...

В тот вечер Лариса не могла усидеть в хате. Ей казалось, что мать посматривает на нее с каким-то укором и подозрением, что Павел все время хочет сказать что-то смешное по ее адресу и только ждет удобного случая. Девушка наскоро поужинала и выбежала на улицу. И тут не в компанию ее потянуло, не к подругам. На сердце было такое, о чем не расскажешь никому: ни матери, ни самой близкой подруге. Даже Виктору Лариса не смогла бы теперь сказать ни единого слова. Хотелось побыть одной, только одной. Идти куда-то и идти, думать, вспоминать. И если бы сутки шла так, в одиночестве и в тишине, все равно не терялась бы свежесть тех чувств, которые приходят, пожалуй, один раз в жизни. А как хотелось бы сохранить их долго-долго! Поэтому - одиночество и молчание. Скажешь кому-нибудь слово, и уже не будет этого неизведанного трепета в груди, этого волшебного света, хлынувшего в душу.

Незаметно Лариса вышла в поле и оказалась на той самой дороге, по которой совсем недавно шла с Виктором домой. Пройти еще километра два - и мостик. Но зачем же теперь идти на мостик? Для того разве, чтобы все повторилось снова? Не надо туда идти, потому что и мостик, и Виктор все время перед глазами: в ушах звучит его тихий, голос, на щеках и на устах горят его поцелуи.

Лариса повернула назад. Шла уже медленней. Не хотелось входить в деревню: еще встретишь кого-нибудь. Вечер был тихий

и совсем не холодный: первый настоящий весенний вечер...

Прошло с тех пор много весенних дней и вечеров. Каждый день Лариса с радостным волнением встречала в поле первый солнечный луч, а вечером, как бы поздно ни приходила с работы, какой бы ни была усталой, все равно перед сном думала про Витю. Мысли эти были такими светлыми и радостными, что часто гнали прочь сон. И все же назавтра Лариса снова вставала до солнца, не чувствуя усталости.

Сначала, когда ее назначили звеньевой по льну, она долго тревожилась, переживала: как будет работать, хватит ли сил, знаний, умения? Прежде, бывало, только в мыслях ей хотелось многое исправить в бригаде. Видит, что то или иное дело идет не так как следует, а взяться исправить не может. Не хватало решительности. А теперь Лариса не нарадуется своей работой. Пока все выходит не хуже, чем у людей.

Возможно, трудности еще впереди, но они не пугают Ларису. На участке вон уже какой лен!..

Лариса стоит на мостике и любуется своим льном. А лен уже зацвел. Глянь на небо и глянь на землю - не заметишь разницы. Сколько раз за свою жизнь Лариса видела, как цветет лен! С малых лет знакомо ей это цветение. И никогда еще не видела она такой красоты, не переживала такой радости, глядя на море синих цветочков. Какими особенными, необыкновенными казались ей теперь эти цветочки! От них трудно было оторвать взгляд. Чувствовалось тут что-то свое, родное, дорогое до бесконечности. Словно глазки детей посылали Ларисе свою свежую ласку и тепло, словно песни тех девчат, что тут работали, и запевки самой Ларисы превратились в сине-голубое волшебное марево.

Когда Данила узнал, что сын собирается жениться на Ларисе, то дня два ходил, надвинув на брови старую овчинную ушанку. Жалко все-таки было приданого, которое мог дать Шандыбович. Потом ему сказали, что дочь Криницкого может стать в этом году богаче Ольги.

- Как это она богаче станет?

- А заработает на льне.

Данила верил этому и не верил. На его памяти еще не бывало такого, чтобы кто-нибудь у них в бригаде после войны очень много зарабатывал. Но ведь в других-то колхозах зарабатывают люди. Так, может, и Лариса заработает. Пусть зарабатывает на здоровье.

При встрече с Ларисой Данила как-то по-особенному, медленно склоняя голову, здоровался, а встретившись однажды со старым Криницким, они с полчаса толковали о погоде, о видах

на урожай, о том, что Шандыбович начал выделывать на дому овчины. Про свадьбу и про то, что они скоро, видно, породнятся, ни тот, ни другой даже и не заикнулись.

А между тем заветный день приближался. Больше всего хлопот по подготовке к свадьбе досталось на долю Ларисиной матери, потому что в доме жениха хозяйки не было. У Криницких два дня валил из трубы дым, а на третий уже столы гнулись от вареного, жареного, пареного. Благодаря стараниям Шандыбовичихи на столах, покрытых вышитыми скатертями, тесно стояли бутылки с настоящими пробками, пивными колпачками, тряпицами разных цветов, кукурузными початками и просто бумажными затычками. Гостей нашло столько, что сидеть им пришлось в тесноте и на чем попало: на разных табуретках и скамеечках, собранных чуть не со всей деревни, на досках, положенных на чурбаки. Сидели и на кровати, застланной домотканой капой. Стол был поставлен и у припечного полка. Тут - в тесноте, да не в обиде - сидели несколько старушек, видно, не из очень близкой родни.

Молодым было отведено место в переднем углу. Жениха и невесту обычно в глаза все хвалят, а за глаза, бывает, так перемоют косточки, что узнай об этом молодожены, они, верно, удрали бы со свадьбы. Виктор же и Лариса, по правде говоря, всем нравились, даже самый злой язык не повернулся сказать про них что-нибудь дурное. Оба на свадьбу надели самое лучшее, что у них было: Виктор - новенькую гимнастерку с белым, как снег, подворотничком, Лариса - белое нарядное платье. А когда еще цветы прикололи: Виктор - в петлицу верхнего левого кармана, Лариса - в волосы, так для всех стало ясно - такой пары давно уже не было в Крушниках.

Данила сидел рядом с невестой. Он мало бывал на разных свадьбах, родинах, крестинах и поэтому чувствовал себя так, словно все эти люди, что тут собрались, чего-то требовали от него. Однако стоило ему взглянуть на невестку, и на душе у него светлело, казалось даже, что она все время будет ходить вот в этом белом платье и с цветами в волосах. Отец Ларисы, седой, но лицом еще моложавый, сидел возле жениха. В противоположность Даниле он держался на людях совсем свободно и независимо, будто справлял такие вот свадьбы чуть ли не каждую неделю.

Чарка за здоровье молодых выпивалась всеми с должной торжественностью, тихо, уважительно, без лишних слов и суеты. Закуска после нее тоже бралась словно неохотно и больше вилками, ложками, ножами. Когда же пришли вторая чарка, третья, на молодых посыпалось столько шуток, острых словечек, что даже Ларисин отец почувствовал себя неловко. Вилки, ножи

оказались куда-то засунутыми или попадали под столы, и пальцы чаще замелькали над тарелками, мисками и сковородками.

Чаще всего торопливые пальцы встречались над теми посудинами, в которых была подана жареная поросятина. Лариса заметила как-то мимо воли, что одна женщина, работавшая на свиноферме, взяв блестящими от жира пальцами кусок поросятины, что-то шепнула соседке и чуть заметно повела глазами на Виктора. Лариса тоже держала на вилке шкварку с чистой желтой кожицей. Вилка у нее в руке задрожала. Потом такая же дрожь отдалась под сердцем. Рука с вилкой вяло опустилась. Хотелось скорее глянуть на Виктора, но не хватило решимости. А что, если что-нибудь дурное шепнула эта женщина?..

Кто-то из-за крайнего стола хриплым, но пронзительным голосом прокричал тост за невесту, его дружно поддержали. Лариса, сдерживая слезы, улыбнулась, взяла рюмку. Отпив немного, посмотрела на свою вилку с куском поросятины, и во рту у нее стало горько и неприятно. Как она могла есть эту поросятину?! С немым упреком взглянула на Виктора. Тот крутил в пальцах рюмку и, стоя, обменивался с кем-то приветственными жестами. В его улыбке, в красивых веселых глазах было столько искренности и человеческой простоты, что Ларисе стало стыдно своих мыслей. Она уже поднесла вилку ко рту, как вдруг увидела, что в дверях показался Шандыбович и торжественно снял кепку. Это развеяло ее недобрые мысли, но принесло другую тревогу. Зная характер бывшего бригадира и его отношение к Виктору, Лариса подумала, что он пришел не с добром. Глаза ее встретились со взглядом Ольги, сидевшей недалеко от Павла. Ольга тоже удивленно и настороженно смотрела на отца.

Однако Шандыбович и не думал делать кому-нибудь неприятности. Протиснувшись чуть не в самый передний угол, он разгладил бороду и, не скупясь на слова, поздравил молодых. Потом отвернул правую полу пиджака и достал из кармана бутылку, отвернул левую полу и достал другую.

- Хоть я и не получил персонального приглашения сюда, - на поповский манер заговорил он, ставя водку на стол, - однако же решил, что не могу, не имею права не разделить с вами хлеб-соль в этот радостный день, а также и вот это, - он показал на бутылки. - Сосед все-таки женится, а не кто-нибудь! Ну и ты, Кузьма, - поднял он бороду на Ларисиного отца, - ничего плохого мне не сделал, так же, как и я тебе.

- Садись, Адам! - сказал Криницкий и подвинулся к жениху.

Шандыбович устроился рядом с хозяином дома.

Через некоторое время, изрядно выпив, он за спиной у

Криницкого уже говорил Виктору:

- Ты думаешь, я злюсь на тебя за это самое бригадирство? Думаешь, конечно. А я даже рад, что так получилось. Ты помоложе, тебе и карты в руки. Энергия, инициатива! А я отдохну тем временем.

- Отдыхать еще рано, - мирным тоном заметил Виктор. - У нас для всех много работы.

- А разве я против? - подхватил Шандыбович. - Я лично никогда не был против работы. А тебе я даже помочь хотел бы. Не довелось нам породниться ну что ж! Тут дело такое... Но ведь мы все-таки соседи...

Когда во дворе заговорила на все лады гармонь и загремел бубен, Лариса, как птичка из клетки, выскочила из-за стола, хотела подбежать к подружкам и в вихревой польке забыть все формальности свадебного ритуала, стать такой же вольной, счастливой девчонкой, какой была еще только вчера. Однако, встретив в сенях утомленную хлопотами мать, виновато подняла на нее глаза, остановилась. Сразу вспомнила, что с завтрашнего дня на ее плечи лягут чужой дом, хозяйство и нужно будет вот так же, как матери, и днем и ночью заботиться обо всем и обо всех. Близость Виктора радовала, а старый Данила пугал Ларису. Она уважала его с малых лет, а вот как назвать его отцом, жить с ним в одной хате, есть из одной миски?..

- Может, помочь вам? - обратилась Лариса к матери.

- А что ж ты теперь мне будешь помогать? - с сожалением и как будто с упреком сказала мать. - Есть тебе кому теперь помогать. - Она хотела засмеяться и свести все в шутку, но едва удержалась, чтобы не заплакать. Только заморгала покрасневшими от усталости глазами и нагнулась, чтобы взять в руки подол фартука. Лариса обняла ее.

- Не надо, мамочка, не надо так!

Потом, когда мать успокоилась, спросила:

- Мама, вот эти самые поросята, что вы жарили... Откуда они у нас?

- Виктор принес, - вдруг насторожившись, ответила мать. - А что?

- Ничего, мама. Очень уж вкусные, вот я и спрашиваю.

- Так я же с ними... Ты знаешь?..

Тут мать готова была целый час рассказывать, что она делала с этими поросятами, но подошли повеселевшие от выпитого женщины и стали наперебой хвалить закуску и выпивку.

- Иди, дочушка, погуляй, - сказала мать Ларисе, а сама пошла с гостями.

На дворе, уже основательно утоптанном, невесту окружили

девчата. Ольга потянула ее на краковяк, но танец получился у них холодноватый, не было в нем той живинки, которая радует глаз, вдохновляет и отличает одну пару от другой. Обе были виноваты в этом: и Ольга и Лариса. Ольге стало грустно: представила, глядя на Ларису, как Виктор будет целовать вот эти темно-карие глаза, которые сегодня почему-то не очень весело смотрят на нее, вот эти свежие губы и щеки, эти волосы, в которых уже не будет цветов. И невольно подумалось девушке, что Лариса очень счастлива. Это счастье не раз грезилось Ольге самой, но - не судьба. Она вовсе не обижается на подругу. Пусть будет жизнь ее светла и радостна. Может, когда-нибудь придет счастье и к ней, Ольге, дочери Шандыбовича, которого в Крушниках никто не любит. Дочь Шандыбовича, дочь Криницкого... Там дочь, и тут дочь, а разница, видно, большая. И матери у некоторых дочерей не такие, как надо: люди работают в колхозе, а они гонят самогонку. И торгуют этой самогонкой. А некоторые дочери знают об этом и молчат. Не смеют перечить родителям, боятся, как бы не перевелись на столе вкусные блины да как бы случаем не сумел кто-нибудь в деревне лучше и нарядней одеться...

Ольга повела глазами по кругу и увидела Павла. Тот танцевал с одной девушкой из Ларисиного звена. Лицо ее светилось радостью и вдохновением, а ноги ходили так легко, что казалось, вовсе не касались земли. Он возбужденно смотрел на партнершу, а та готова была весь свет удивить своей ловкостью.

"И этот меня покинет, - с болью подумала Ольга. - Пусть покидает! Все пусть покидают: за что меня любить?! И Лариса, и эта, что с Павлом, Варька, - обе они лучше меня. Им за родителей не стыдно, и сами они на настоящей работе. А я?.. Что я делаю? Подсчитываю трудодни да пишу в правление бумажки под диктовку Виктора. Брошу все к черту! Пусть сам подсчитывает то, что иной раз и на пальцах можно показать, пускай сам пишет свои бумажки. Попрошу Ларису, чтобы взяла в звено".

А Лариса посматривала на двери, ожидая, что скоро выйдет жених. Хотелось еще раз глянуть ему в глаза. А может, спросить про этих поросят у Ольги? Она же там все выписывает и записывает.

Рука у Ольги почему-то холодная, хоть на улице так тепло. И ни капли пота на лице, только редкие веснушки возле маленького носа и под глазами стали заметнее. А глаза грустные, опечаленные. Нет, не нужно сейчас у нее спрашивать...

Виктор явился, на удивление всем, чуть ли не в объятиях Шандыбовича. Лариса почувствовала, как задрожала Ольгина рука. Они перестали танцевать. Гармонист заметил, что невеста

утомилась, и оборвал игру, но крепко захмелевший барабанщик не обратил на это внимания. Он колотил в свой бубен с еще большим ожесточением. Поскольку все танцоры были на том же свадебном уровне, что и барабанщик, то и они не заметили, что гармонист давно уже сидит, опершись подбородком на сложенные меха. Жарили под бубен так, что только пыль клубилась из-под ног.

Ольга молча оставила Ларису и пошла к тем девчатам, которые тоже бросили танцевать и, стоя под развесистыми ветвями груши, обмахивались косынками. Лариса приблизилась к Виктору. Жених не был пьян, хотя разговаривал со всеми громко, раскатисто смеялся и охотно принимал преувеличенные знаки уважения от Шандыбовича. Увидев Ларису, он подался к ней, но Шандыбович удержал его за плечо.

- Подожди, Би-бирюк, - уже слабовато владея языком, сказал он, - с нею ты еще натешишься...

Лариса взяла Виктора под руку.

- Ты, соседочка, - обратился к ней Шандыбович, - нажимай на лен, нажимай! Я лично думаю, что ты можешь прославить и бри-бригадира, и всех нас, грешных, вместе взятых.

- Завтра об этом поговорим, - стараясь оторваться от назойливого соседа, сказал Виктор. - Пойдем теперь отпляшем так, чтобы подошвам жарко стало.

Гармонист заиграл польку. Лариса радовалась, что Виктор не пьян - она очень боялась пьяных, - и решила сразу начать с ним тот разговор, который не давал ей покоя.

- Витя, ты на ферме взял этих поросят? - несмело и тихо спросила она.

- Каких?

- Что мама жарила...

- А-а, этих! На ферме. Ну и что?

Голос у Ларисы задрожал:

- Витя, да как же это?.. Как ты мог?..

- Я их выписал, - спокойно и уверенно ответил Виктор. - По всем правилам! Вот ведь какая ты! Хочешь, документы покажу? Неужто на свадьбу бригадира нельзя отпустить парочку?

И Лариса успокоилась.

В хате у Данилы сразу посветлело. По-иному стали выглядеть стены, потолок, печь. Исчез тот кисловатый запах, что держался в хате много лет. Теперь глянешь - и глаз радуется: возле стены большая кровать с горой подушек, лежит подушка и на печи. Это для Данилы.

А Данила давно уже отвык от мягкой постели. Когда в первый раз он уступил Ларисиной просьбе и положил под голову

подушку, то долго не мог уснуть. Все ему казалось, словно что-то шевелится, шелестит под ухом.

Завелось и кое-какое хозяйство. В хлеву хоть и не было коровы, о которой Данила, конечно, долго мечтал, зато стояла ласковая белобокая телушка. Когда старик входил в хлев, она вытягивала шею и через загородку лизала шершавым языком его руку. В катухе рядом довольно похрюкивал кабанчик. Случалось, что ночью Данила просыпался и шел проведать, как там ночует его скотина.

Появились таким образом у Данилы под старость приятные и как раз по силе ему заботы. От самой зорьки он хлопотал возле хаты, присматривал за телушкой, за кабанчиком. Двор уже не был пустым, значит, и отношение к нему изменилось. Хотелось то изгородь поправить, то катушок перегородить, то крышу в хлеву залатать. Даже о своей старой рябине Данила позаботился и теперь был очень доволен, что не спилил ее минувшей зимой. Дерево похорошело, с него были срезаны сухие сучья, а земля вокруг ствола была очищена от крапивы, лопухов и репейника. Самые урожайные ветки Данила подпер шестами.

Помолодел Данила, окреп, стало легче ему ходиться, легче дышаться, и мысли в голову приходили чаще всего светлые, веселые. Попробовал отпустить бороду и удивился: борода стала густая и жесткая, как щетина. Потянул за волосок - эге, куда там! Не вырвешь, как раньше. Пришлось идти к свату, просить, чтобы побрил.

Наведывался Бирюк и в колхозную ригу, когда пеньку привозили. И там его рука ходила вернее, "веревочный комбайн" лучше слушался.

И все же, как ни усердствовал старик, окрыленный тем, что настала для него новая жизнь, во многих делах он не мог равняться со своей невесткой. Встанет, кажется, так рано, что птицы еще дремлют, глядит, а Лариса уже на ногах. Не поспеет в ведро заглянуть, есть ли вода, а невестка уже схватила это ведро и бежит к колодцу. Не успеет дойти до навеса взять дров, как Лариса уже там.

- Не нужно, тата, я сама наберу.

Накормить и напоить телушку, досмотреть там еще что-нибудь возле хаты сколько на это времени нужно? Пройдет каких-нибудь полчаса, не больше, и уже слышит Данила звонкий и ласковый голос с порога сеней:

- Тата, идите завтракать!

Завтракают они с аппетитом, потому что все на столе свежее, горячее и приготовлено умелыми руками. Потом Лариса собирается на работу и на ходу говорит отцу, что нужно сделать в

хате и возле хаты днем. Избави бог - не приказывает, не командует, а просит, и такой у нее в это время голос, такие слова подбирает, что Данила на небо полез бы, только бы исполнить ее поручения.

- Вот это Вите я сварила, - показывает Лариса на чугунок в печке. - Как встанет, дадите ему. А это - кабанчику. Когда будете замешивать, немножко посолите. Да смотрите, сами тут не голодайте. Если мы опоздаем к обеду или совсем прийти не сможем, так вон в углу щи - сковородкой накрыты.

Вставал Виктор, и для Данилы начиналась самая сложная часть работы. Нужно было, во-первых, орудовать ухватом так, чтобы не обернуть чего-нибудь в печке, а во-вторых - разобраться и не перепутать, где стояло приготовленное для Виктора, где для кабанчика, а где для Данилы.

Позавтракав, Виктор шел сначала к Шандыбовичам и диктовал там Ольге разные донесения и распоряжения. Ольга морщилась, кривилась, но все-таки писала. Часам к десяти перед окнами Шандыбовичей появлялся Мефодий с оседланным жеребчиком. Виктор выезжал на поля, а Ольга ломала голову, придумывая себе занятие на день.

Данила, отправив сына, выполнял остальные поручения невестки и находил себе массу всякой другой работы. К полудню он ждал Ларису и, что бы ни делал возле хаты, невольно прислушивался, не слышно ли невесткиного всегда ласкового голоса, не зовет ли она:

- Тата, идите обедать!

Если невестка не приходила (а сын почти каждый день не являлся к обеду), то и старик не доставал из печи заветный чугунок. Ведь стоит взять ложку, помешать щи - и потеряют они всякий вкус, пропадет тот особый свежий аромат, что заставляет человека садиться за стол, если он и не голоден. Раз невестка оставалась голодной, то и Данила ничего не брал в рот до вечера.

В сумерках возвращалась домой Лариса, доставала из печи чугунок, и они вместе ели упревшие за день щи. Потом она затапливала печь, чтобы приготовить что-нибудь посвежее - для Виктора. Поужинав, наливала в корыто теплой воды, ставила на пол возле полка и говорила свекру:

- Тата, попарьте ноги перед сном. Очень уж хорошо спится после этого.

И Данила покорно разувался, садился на полок, опуская в воду пропотевшие пальцы уставших ног. Иной раз, бывало, так и задремлет над корытом. Дремлет, вспоминает разное. Тепло ему... Да, вот во время оккупации Данила хоть и очень боялся, но рискнул украсть у немцев такое же тепло...

Проходя как-то в сумерках огородами, увидел, что немцы подвезли к крушниковской баньке чуть не сажень сухих дров. Заныло у Данилы сердце: ведь дома ни сучка, ни щепочки. Витя сидит на печи, укутанный одеялом. Намерзся до того, что посинел весь, зуб на зуб не попадает, "Схватить бы пару поленцев!" - подумал Данила. Но возле дров стоял часовой - не подойдешь.

Долго кружил Бирюк неподалеку от бани, все глядел, не отлучится ли куда-либо часовой. Потом стало ясно, что немцы будут топить сегодня, значит, никуда они отсюда не уйдут. Данила сходил проведать сына, но усидеть дома не мог. Тянуло к бане: это подумать только - почти сажень сухих дров! Дежурил в затишке с час, потом заметил, что немцы вдруг высыпали друг за дружкой на улицу. Не иначе что-то встревожило их. Подождал Данила с минуту, чтобы убедиться, что ни одного бандита в бане не осталось, и - давай таскать эти дрова! Чуть не надорвался, пока перетаскал...

Задремлет Данила - подойдет к полку Лариса, поправит подушку, и старик ложится отдыхать. Засыпал он в ту же минуту, и только когда просыпался за полночь и впадал в неизбежную стариковскую бессонницу, перебирал в памяти все, что было вчера. Видел, как Лариса поправляла подушку и накрывала ему ноги... За что ему такое уважение от невестки, чем он его заслужил? И думалось, что, верно, просто счастье пришло под старость к человеку, не всю ведь жизнь быть ему несчастным. А когда еще дальше пускался в свои рассуждения, приходил к выводу, что заслуга у него все-таки есть. Вырастил, воспитал сына - вот тебе и главная заслуга. Не было бы сына - не было бы и невестки.

Виктор по-прежнему представлялся отцу хлопцем необыкновенным, таким, что равнять его с кем-либо другим просто грех. Потому, верно, и жена ему попалась такая необыкновенная: Лариса знала, за кого шла.

Правда, в последнее время Данила уже не раз подумывал о том, что надо бы кое-что сказать сыну - ему же на пользу. Например, зачем Мефодий каждое утро торчит с конем перед окнами? Даже при Шандыбовиче такого не бывало. Потом, можно ведь было бы чуть пораньше вставать и помогать жене по дому, пока идти на работу. А он спит себе и в ус не дует. Как при отце жил без всяких хлопот, так и при жене.

Думал старик об этом сказать, да не осмелился. Теперь Виктор самостоятельный человек, женатый. Пускай ему жена говорит. Посоветуются между собой, пошепчутся и все уладят. Люди разумные.

Отцовская гордость за сына не уменьшалась из-за этого. Что есть, то есть. Без матери, без чьей бы то ни было помощи поставил на ноги человека, дал образование... Вот осталась только старость, все лучшее прожито, и - все подарено сыну. Не жалел Данила о том, что не мог теперь припомнить минуты, когда бы не заботился о сыне, не дрожал за его судьбу...

Чтобы научить хлопчика бить в бубен, Данила, помнится, несколько раз ходил в соседнюю деревню, выторговал там у одного придурковатого музыканта старенькую, побитую на бабьей голове скрипку. Склеил и месяца два пиликал по вечерам, пока не вернул пальцам и памяти заученный когда-то в ранней молодости кадрильный галоп. По праздникам отец играл, мальчишка бил в бубен, тоже сделанный Данилой, а люди шли по улице и останавливались около хаты: "Весело живут Бирюки".

Постепенно вошло в правило - только то в жизни имело смысл для отца, что было полезным и интересным сыну.

Молодой бригадир сидел за столом в своей хате и разбирал почту.

Почта приходила в Крушники не часто, зато уж когда приходила, то огромной пачкой, за несколько дней кряду. Виктор обрезал конверты ножницами, как заправский канцелярист, и читал каждую бумажку - долго, внимательно, словно заучивал наизусть. Несколько директив было от колхозного правления с замысловатой подписью председателя. Все они начинались словами "Под вашу личную ответственность", которые бригадир обычно не прочитывал. Две директивы были от сельсовета и одна от районной пожарной охраны. В них тоже значилось: "Под вашу личную ответственность предлагается..."

Виктор разгладил ладонями все листки, аккуратно проставил сегодняшнее число и сложил их в папку.

Вернулась с поля Лариса. Развязала клетчатый платок, улыбнулась мужу.

- Чего это ты такая розовая? - принимаясь за газеты, спросил Виктор.

- Сказали, ты поехал домой. Спешила, чтобы хоть раз пообедать вместе.

- Ну как там лен? - тоном хозяина спросил Виктор. - Весь разостлали?

- Весь! - ответила Лариса, и ее лицо еще больше порозовело. - Теперь бы только росы теплые!.. Шелк был бы, а не лен!

- Тут тебе письма, - с ноткой безразличия в голосе проговорил Виктор и на миг задержал взгляд на двух синих конвертах.

Лариса взяла один конверт, посмотрела его на свет в окне и оторвала полоску. "Под вашу личную ответственность, - тихо

читала она, - предлагается срочно прислать сведения о сборе членских взносов..."

- От кого это? - узнав знакомый стиль, спросил Виктор.

- От нашего секретаря комитета, - вдруг удивившись, ответила Лариса. Но я ведь уже давно послала эти сведения!

Это немного омрачило ей настроение. И, наверное, чтобы окончательно не испортить его, Лариса отложила второе письмо в сторону и принялась поправлять на затылке волосы.

- Может, будем обедать? - предложила она, и в ее голосе, видимо, невольно, прозвучала настороженная просьба и какая-то боязнь, что Виктор может вдруг отказаться от обеда, встать и выйти из хаты. - Я, выбегу тату позову. Пообедаем, тогда и прочитаем все: и письма и газеты.

Пока она искала на дворе отца, а потом доставала из печи чугунки, Виктор все-таки просмотрел газеты. В областной была большая статья о крушниковской бригаде, а в районной - целая полоса. Самым подробным образом описывалось, как в бригаде добивались высокого урожая льна, и чуть не в каждом абзаце упоминалась фамилия бригадира.

- Тут все о тебе! - сказал Виктор жене, когда та начала подавать на стол.

Положил на подоконник газеты, а сам подумал: "Не так и много о ней. Это все Шандыбовича работа. Умеет человек и людям сказать, если надо, и бумажку накатать".

- Ну что же их нет? - забеспокоилась Лариса.

- Кого? - громко спросил Виктор. - Отца?

- Сказали, что идут, и вот нету.

- Придет, никуда не денется!

Лариса все-таки выбежала снова звать Данилу, а Виктор почти без всякого аппетита принялся хлебать горячие щи.

"Все отчеты писал Шандыбович, - вернулся он к тому, о чем недавно думал. - Ольга что-то артачится теперь, злится. Все с Павлом о чем-то шепчется. Тот меня упрекал, что я Шандыбовича кладовщиком поставил. А что тут особенного, что поставил? Я отвечаю за все! У меня очень-то не разгонишься. А человек он практичный. Такие люди нужны".

- Что тебя - ждать, как пана? - встретил он отца не совсем сдержанным вопросом.

Лариса глянула на него удивленно, а отец промолчал, только когда уже сел за стол, тихо сказал:

- Я там катух ладил, кабанчик подрыл стенку.

- Так мог бы давно наладить.

- С утра аж до самого полдня веревки вил...

Уже собирались вылезать из-за стола, как в хату несмело

вошла маленькая да еще сгорбленная старостью колхозница, похожая по одежке на монахиню.

- Хлеб-соль вам, соседи добрые, - согнувшись еще больше, сказала она. Не обессудьте, что не вовремя пришла, очень уж к спеху мне. Не обессудьте...

- К нам всегда просим, - проговорила Лариса и подошла к ней. Садитесь, пожалуйста!

- Некогда и сидеть, сказать вам правду. - Бабка шагнула ближе к столу. - Это я к вам, Викторко.

- Лошадь? - вставая из-за стола, спросил Виктор.

- Ага. Лошадь. В больницу завтра с утра надо поехать. Что-то мой старик, не при вас будь сказано...

- Можно, - перебил ее бригадир. - Скажите Мефодию, пусть даст.

- Спасибо вам, Викторко, - чуть не кланяясь, заговорила с ударением на "ко" бабка, - спасибочко. Мы уж как-нибудь это самое... - Она почему-то показала рукой на сени, но, пожалуй, никто не понял ее жеста.

- Так что там у твоего старика? - спросил Данила. - Вчера же мы вместе с ним веревки вили.

- Я и не знаю, Данилко, - отступая как-то боком к порогу, проговорила бабка. - Стонет. Целую ночь стонал и теперь все стонет.

Лариса с благодарностью взглянула на мужа и вышла за бабкой в сени. Там задержалась минуты три, а потом вошла в хату с бутылкой в руках. Она чуть не плакала от возмущения.

- Что это такое? - обратилась к Виктору и, глядя на него удивленными глазами, подала бутылку.

Тот взял посудину в руки, по закупорке узнал продукцию Шандыбовичихи и засмеялся каким-то безразличным смехом.

- Ну чего ты еще спрашиваешь? - Он отдал бутылку и слегка обнял жену за плечи. - Горелка, понятно! Понюхала бы, и спрашивать не надо.

- Знаю, что горелка, - с обидой за такой тон сказала Лариса и отступила от мужа. - Меня интересует, как она попала сюда? Стала я подметать пол в сенях, вижу - бутылка на лавке. А раньше не было. Откуда?

- "Откуда, откуда"... - Виктор нахмурил брови, и его светлые, в последнее время уже не очень гладкие волосы съехали к переносице. - Наверно, бабка Дичиха оставила. Может, забыла тут свое добро по старческой памяти.

Данила крякнул раз-другой, потер большим пальцем заросший подбородок и вышел из хаты. Вспомнил, верно, как сам когда-то носил самогон Шандыбовичу.

- Как тебе не стыдно, Витя? - с укором качая головой, заговорила Лариса. - Пусть Шандыбович на весь район прославился как пьяница и взяточник. А ты? Ты же комсомолец. Да и вообще... Как же так можно?

Виктор солдатским шагом подошел к столу, вытянулся, заправил гимнастерку и, искоса поглядывая на жену, стал говорить, словно диктовал строгий приказ:

- Вот что! - постучал пальцами по столу. - Никаких нотаций я слушать не хочу! Ясно? Наслушался за четыре года! А хочешь знать правду? Скажу. Никаким Дичихам я не приказывал приносить мне горелку. А принесла - назад не понесу. Я на них всех работаю. За моей спиной живут!

- Ты не понесешь, так я это сделаю, - твердо проговорила Лариса. - И стучишь напрасно. Давно мне надо было тебе сказать, да все молчала, думала, сам поймешь.

- Это я знаю, что давно злость носишь, - мягче сказал Виктор, однако снова постучал пальцами по столу. - По глазам вижу.

- Вчера подъехал к нашему полю, - продолжала Лариса, - и, не слезая с лошади, девчат подзываешь. Разговариваешь с людьми через плечо, вот как со мной сегодня. И пьяный ты был вчера, Витя. Вот еще несчастье! Признайся сам, что был пьяный... и, может, не первый раз.

- Это я с нашими "вышковцами" выпил, - понуро ответил Виктор и сел к столу на скамью. - Из-за них, чертей, капли нигде не сыщешь, если б и хотел. Все осушают. Эмтээсовская лавка...

- Ты не сворачивай в сторону, - остановила его Лариса.

- Я хотел сказать, что из-за них эмтээсовская лавка всегда пустая, и понимаешь...

- Вряд ли тебе нужна эта лавка. Вот ты откуда берешь горелку! Вот! Лариса подняла Шандыбовичихину бутылку. - Наверное, из-за этого и на обед тебя не дождешься, а если и придешь, то ешь все равно как чужим ртом. Что ты только делаешь, подумай, Витя!

Она взяла с подоконника газету, обернула ею бутылку и, незаметно смахнув рукой слезы, выбежала из хаты.

Виктор несколько минут сидел молча и, уставившись на дверь, барабанил пальцами по столу. Барабанил чем дальше, тем все сильнее и чаще. Скоро поймал себя на том, что выстукивает польку-веселуху. Ту самую польку, которую играли вчера в клубе. В руках у него была балабешка, гладкая и черноватая от множества рук, в которых перебывала. Он барабанил ею так, что гармонист боялся за свой бубен, а те, что выплясывали, останавливались, чтобы посмотреть на Бирюковы коленца. Балабешка взлетала, словно цепы при молотьбе, и бубен ударялся

то о колено, то о голову. Потом Виктор грохнул бубен на пол и пошел по кругу с балабешкой. Кого-то огрел и сейчас не знает кого. Всех поразгонял вокруг себя - так носился. А голова закружилась - не устоял на ногах. Не помнит, кто поднял его, кто привел домой...

Проснулся поздно утром, Ларисы уже не было. Знает она про это или нет? Пожалуй, не знает. Набегалась за день, спала ночью крепко - старик открывал дверь. А чуть свет снова побежала на работу.

Виктор все быстрее барабанил пальцами по столу...

Лариса вернулась в сумерках. В хате никого не было. Зажгла лампу, начала хозяйничать. По дому забот полон рот. Хваталась за все сразу, руки аж млели иногда, а в голове - все те же неотвязные мысли. Обидно было за Виктора, что не остался дома, не подождал ее. Не хочет слушать, что ему говоришь. А послушать есть что.

Старая Дичиха не хотела брать обратно самогонку. Очень удивилась, когда увидела у себя в хате Ларису с бутылкой в руках.

- А чем мы хуже людей? - обиженно жаловалась она. - Всем можно, а нам так уж и нет? Вон Перегудиха, слушайте, два раза брала лошадь за пол-литра, а нам так уж и одного разу нельзя. В больницу съездить. Он же больной человек. Думаете, обманываю?

- Так вы берите лошадь, берите! - запальчиво объясняла Лариса. - Но без горелки. Понимаете? Без бутылки!

- Без бутылки? - Бабка так посмотрела на Ларису, словно та хотела оскорбить ее на всю жизнь. - Так это ж больше нам никогда и не заикаться насчет лошади?

"Вот до чего довели людей, сначала Шандыбович, а теперь Витя, - думала Лариса. - И что за человек этот Шандыбович? Чего он так привязался к Виктору?"

До боли в сердце было обидно, что не удается толком поговорить с мужем. Хотелось бы обо всем этом рассказать ему, посоветоваться. Неужели с ним нельзя посоветоваться? Говорили ведь раньше, делились всякими мыслями. С кем же поговорить о том, что тревожит душу? Павел - брат. Он будет слушать и усмехаться. Скажет: "Говорил я тебе, чтоб не спешила выходить за него замуж". Ольга? Так ведь и понять трудно эту Ольгу. То она готова убежать из дому, то сидит спокойно в боковушке и пишет под диктовку Вити. Разве к своим девчатам пойти? Варька - понятливая, умная, но сама, кажется, страдает от неудачной любви. Этот наш Павел все еще мнется да колеблется: то на Ольгу смотрит так, что, кажется, жить без нее не может, то Варьке ласково улыбается.

Вспоминались счастливые вечера, когда Виктор рад был каждому Ларисиному слову и сам подолгу рассказывал о военной службе. Если бы можно было так поговорить и теперь, Лариса упрекнула бы не только его. Очень сурово и вслух упрекнула бы и себя за то, что, занявшись звеном, выпустила из виду другие дела, мало интересовалась, что делается в бригаде вообще.

Но не пришел домой Виктор, и не с кем было поговорить Ларисе. За полночь просидел он у Шандыбовича за бутылкой отменного первача. Так захмелел, что и ночевать остался там.

Когда Лариса вернулась с сельскохозяйственной выставки, пришла пора поднимать со стлища лен.

С дороги она немножко замешкалась дома и пришла в поле на каких-нибудь полчаса позже своих девчат. Удивилась, что в звене была Ольга. Она старательно работала, ее лицо и открытая шея уже раскраснелись, а в глазах светилась радость.

- А кто же теперь в боковушке? - еще не совсем веря Ольгиному энтузиазму, спросила звеньевая.

- Отец там... - опустив глаза, ответила Ольга. - Обойдутся и без меня.

В обеденный перерыв Лариса рассказывала девчатам о выставке. Призналась, что чуть не извела ее какая-то лихорадка-трясучка, когда люди попросили выступить в колхозном лектории. А как сказала первое слово, так и ничего, все отошло.

- Спрашивали многие, как выращиваем лен на нашем Полесье. Рассказала. А потом сказала и про крушниковскую бригаду. Удивлялись там и смеялись, когда услышали, что бригада так далеко от колхозного центра и что председатель колхоза бывает в этой бригаде, может, раз в полгода. А некоторые при этих словах вынимали из карманов блокноты и что-то записывали.

- Вот хорошо! - воскликнула Ольга.

- Что хорошо? - не совсем поняла звеньевая.

- Что записывали! - уточнила Ольга. - Может, в газете поместят!

Вечером, когда шли домой, она приотстала от девчат и подала знак Ларисе. Они пошли тише. Девчата им не мешали, так как знали, что у Ольги и Ларисы могут быть свои секреты.

- Будет на Павла жаловаться, - хмыкнув, бросила Варька и с любопытством оглянулась.

Но Ольга и не думала жаловаться на Павла, на сердце у нее лежало совсем иное горе.

- Я убежала из этой боковушки, - тихо, задумчиво проговорила она. Если можно, возьми меня в свое звено. Больше я так не могу. Поверь, Лариска! Не могу!

- Я тебе еще весной об этом говорила. Помнишь?

- Помню, но тогда... - Тут Ольга перешла почти на шепот. - Я думала, может, чего не понимаю, может, неправильно смотрю на некоторые вещи... В родной семье живу, не где-нибудь. Как и всем детям, хотелось мне любить своих родителей, верить им, гордиться ими. Подумай, как бы ты осмелилась сказать что-нибудь против родителей, а не то что сделать?

- Мне кажется... - неуверенно начала Лариса. - Я думаю, что смелости у меня хватило бы, если бы понадобилось.

Она растерянно глянула на подругу и вдруг задумалась. Несколько Ольгиных слов прошли мимо ушей. "А что, если придется против мужа выступать? Говорить открыто, перед людьми. Хватит ли смелости, выдержат ли нервы? Это не на выставке про лен рассказывать".

Лариса даже испугалась этой мысли, ей стало грустно, и почему-то отпало желание спешить домой.

- Сколько раз я собиралась! - говорила тем временем Ольга. - Сколько раз клялась себе!.. Брошу все! Брошу не только боковушку, но и самую хату! Чтоб глаза мои не видели, чтоб уши мои не слышали, что вокруг меня делается. Пойду расскажу какому-нибудь доброму человеку обо всем на свете или напишу в райком. И всякий раз что-либо сдерживало. Хватало за руку, за язык. То родителей жалко было, то самой себя, то тебя, Лариса.

- Почему это меня, Ольга?

- Потому что и Виктор очень скоро начал наведываться в нашу боковушку. Молчала, знала, что ты будешь переживать, если я вмешаюсь, и, может, даже плохо подумаешь про меня. Вместе же когда-то гуляли, и - не буду скрывать Виктор нравился тогда и мне.

- Я знаю, что нравился. - Лариса доверчиво глянула на подругу. - Но я плохо не подумала бы.

Взошли на мостик. Сухие доски неприветливо скрипнули, и у Ларисы кольнуло под сердцем. Первый раз она не остановилась тут, не посмотрела на красивую, всегда говорливую речку.

- Весной я радовалась, - продолжала Ольга. - Виктор принял бригаду. Думала, что будет и у нас порядок, как у людей. Куда там! Новый бригадир пошел по тропке старого, да еще, пожалуй, и опередил его кое в каких делах. Ты уже знаешь о его танце с балабешкой? - невольно улыбнулась Ольга.

- Знаю, - ответила Лариса.

- Все эти дни, что ты была на выставке, пил без просыпу. Не обижайся на меня за эти слова... Дал подписку моему отцу, что выдаст ему половину своей премии за лен, - и пил, дурачился. В воскресенье вечером гуляли в клубе. Смотрим, открываются

двери и высовывается из-за косяка лошадиная голова. Глаза сверкают, как у черта. Мы перепугались, шум подняли. Думали, что, может, кто нарочно такую штуку выкинул. А тут въезжает в зал Виктор на коне. "Играй! - кричит гармонисту. - Играй, как на моей свадьбе играл! Если мой жеребчик научится танцевать польку, премирую тебя живым поросенком!" Едва выставили его хлопцы оттуда. Скакал по улице потом до тех пор, пока Мефодий не отобрал жеребчика. Отца, слыхать, выгонял из дому... Ты поговори со свекром, Ларисочка, милая! - вдруг в отчаянии воскликнула Ольга и остановила подругу, ткнулась лицом в ее плечо. Руки ее дрожали на груди у Ларисы. Если бы ты знала, как мне тяжело об этом говорить! Я просто не знаю, что делаю, забываю, что он - твой муж!

- Ничего, Ольга. Ничего... Я понимаю, ты не только о нем говоришь. Тебе так же тяжело, как и мне. Пойдем потихоньку!

Они шли какое-то время молча, обнявшись. Ольга взволнованно комкала в руке уголок своего мягкого шарфика, которым слегка прикрывала затылок, плечи и островатые девичьи груди. Вечер был теплый, хоть осень чувствовалась и в воздухе, и в цвете неба, и в разных полевых запахах. Лариса вдруг наступила босоножками на что-то сухое, жесткое и даже присела. Ее клетчатый платок сполз на шею. Подняла несколько стебельков семенного клевера и начала растирать в руках подсохшие головки. На ладони рассыпались маленькие юркие зернышки.

"Золото, - подумала звеньевая, - настоящее золото, а пропадает из-за нашего бригадира". Глянула вокруг. Огромная площадь семенного клевера только при самой дороге была местами скошена, а так - весь стоял под сухими ветрами, осыпался.

"Надо спасать это богатство, - забеспокоилась Лариса. - Собрать девчат, кто умеет косить..." И вдруг - боль в сердце: "А смогу ли я завтра говорить с девчатами, смогу ли взяться за косу сама?"

Мелькнуло перед глазами лицо Вити. Сначала милое, дорогое, светлое, а потом - с потухшим, злым взглядом, с заносчивыми складочками над переносьем. А лицо свекра представилось худым и заросшим. "Где он ночевал, бедный молчун? Верно, ходил целыми ночами по загуменью, чтоб люди не видели, и думал о своей горькой доле..."

Девчата, что ушли вперед, уже, наверное, давно разошлись по хатам, а Лариса с Ольгой готовы были свернуть куда-нибудь, лишь бы только не выходить на улицу. Ольга незаметно провела шарфиком по глазам и снова положила руку Ларисе на плечо. Она была чуть выше Ларисы, и ей было удобно так идти. Лариса

же обняла девушку за гибкую талию, спрятав руку под мягкий шарфик.

- Хуже всего, Лариска, - снова заговорила Ольга, - что я нашла у своего отца целую кипу разных актов: на сено, на солому, на зерно, на продажу поросят с фермы. Все копии, конечно. Там и за прошлые годы, и за нынешний. Боюсь, что это липовые акты. Отец держал копии при себе, наверно, на всякий случай, чтоб знать, как оправдываться. А что, если, не дай бог, и Витя там замешан?..

Она произнесла так мягко "Витя" потому, что почувствовала, как озноб пробежал при этих словах по Ларисиным плечам, как задрожали ее пальцы, когда хотела поправить на голове платок.

- Боже мой! - глухо, с каким-то надрывом воскликнула Лариса и приостановилась. - Почему же ты молчишь?

- Я не молчу! - с обидой и отчаянием чуть не крикнула Ольга. - Я их только вчера нашла. А до этого только мучилась, переживала от предчувствий, от подозрений, а твердо ничего сказать не могла. Только пьянка была перед глазами. Понимаешь? - Она подняла уголок шарфика к губам и заплакала, как-то очень уж по-бабьи, навзрыд. Видно было, что и в самом деле натерпелась, целые годы жила без радости-веселья, всегда стремясь заглушить внутри мучительные противоречия, борьбу мыслей.

- Ольга! - Лариса с испугом глядела девушке в лицо. - Ольга! повторила она и взяла подругу за руку. - Да ты знаешь, о чем ты говоришь? Знаешь?

Какая-то странная дрожь в ее глазах насторожила Ольгу. Слезы на щеках у Ларисы были видны даже впотьмах.

- Знаю! - решительно произнесла Ольга и, верно, в последний раз вытерла шарфиком глаза и лицо.

- Поздно? Да? Поздно уже, Ольга? - все допытывалась Лариса, до боли сжимая Ольгины руки.

- Наверное, поздно, - неуверенно согласилась Ольга. - Только не знаю, как для Вити.

- Эх, почему же мы раньше не поговорили? - будто хотела растерзать себя за это, крикнула Лариса и в отчаянии упала на придорожный клевер. - Нас надо в первую очередь судить. Нас! Гнать из комсомола! Сидели в боковушках, хандрили!.. Я за рекой все лето просидела! А здесь!.. Где же были наши глаза? Болело у меня сердце. Не раз болело... Но пускай бы ты мне хоть полусловом намекнула. Не думала я, что в такую сторону все клонится. Не думала! И знаешь что! - Лариса вдруг подхватилась и чуть не лицо в лицо стала около Ольги. - И теперь не думаю! Не верю! Слышишь? И не говори мне больше об этом. Не говори. Не верю! Особенно про Виктора!

- Я и не говорю про Виктора, - тихо, не то виноватым, не то испуганным голосом проговорила Ольга.

Но Лариса была уже далеко от нее и этих слов, пожалуй, не слышала.

А Ольга растерялась: догонять ее или уж идти к деревне одной. Больно резануло по сердцу - некуда ведь ей сегодня зайти и не с кем больше будет так откровенно, как сегодня, поговорить.

Вдруг Лариса повернулась и так же быстро пошла Ольге навстречу.

- Ну вот что! - как обычно, твердо и, казалось, уже без обиды проговорила она. - Что будет, то будет, а копии эти завтра ты отдашь мне! У нас тут нет коммунистов, так за все должны отвечать мы, комсомольская организация. Разберемся, проверим!

- А о чем же, ты считаешь, я думала? - Теперь уж в голосе Ольги звучала обида. - Я пришла сегодня к тебе не только потому, что ты моя подруга...

Деревней шагали не спеша, словно на прогулке. Почти во всех хатах уже светились огни, во дворах было тихо.

Поравнялись с двором Ларисы. В хате горела лампа. Спелая гроздь рябины, словно цветущая роза, заглядывала в уличное окно. В желтом свете она казалась черной. Лариса замедлила шаг, приостановилась и Ольга. Потом Лариса шагнула дальше. Ступала и оглядывалась на черную рябиновую гроздь.

Ольга также миновала свой двор, даже не задержалась возле родной хаты.

Кто знает, до какой поры они ходили в ту ночь по улице?..

Через несколько дней Варька перехватила Виктора по дороге в поле.

- Витя, знаешь что? Сегодня вечером собрание комсомольское. Приходи в клуб.

- Некогда мне, - поморщился бригадир. Натянул на лоб выгоревшую за лето кепку и подогнал каблуками жеребца.

- Нет, ты подожди, Витя! - Варька уцепилась за уздечку. - Подожди, послушай! Приезжает из райкома какой-то представитель.

- Из райкома? - Виктор натянул поводья. - А почему же Лариса мне ничего об этом не сказала? - А сам подумал: "Побежала на клевер еще затемно, когда ей было говорить?"

- Она мне поручила созвать собрание, - игриво и вместе с тем с серьезностью в тоне сказала Варька. - Попробуй только не явись, как в прошлый раз! На веревке приволоку!

Виктор засмеялся и, ничего не сказав, поехал дальше. Ему нравилась эта своевольная, всегда веселая, беленькая, как ягненок, девушка. В городе он видел, как многие модницы

разными припарками да электрическими токами заставляют свои волосы виться, а у Варьки от природы всегда светится бело-золотистый венчик вокруг лба и ниже висков; даже под дождем он не расходится и не меняет цвета. Почти со всеми Виктор держался суховато, как бы официально, даже с молодежью не позволял себе шутить и не допускал никакого панибратства. Варьке же прощал все, даже то, что она подчас не слушалась его как бригадира и посмеивалась над ним, когда не было поблизости Ларисы.

Вечером Виктор приехал с поля, сдал коня Мефодию и, не заходя домой, пошел в клуб. Там была еще только Варя, она налаживала висячую лампу, которая то и дело стреляла искрами и коптила.

- Соли какой-то дурак в керосин насыпал, - сказала Варя, заметив бригадира.

- Так возьми у Шандыбовича, налей свежего, - посоветовал Виктор.

Он хозяйским шагом прошелся по залу, остановился около плаката о кукурузе на стене, в большом кругу света на полу заметил глубокие вмятины от копыт и - поспешил отвести глаза.

- Что, тошно глядеть? - насмешливо проговорила Варя. - Это же твоя работа! Только один какой-то дурной царь, где-то я читала, вводил коня во дворцы.

- Брось ты! - мрачно, однако незло огрызнулся Виктор. Попробовал представить, как это он въезжал верхом в клуб. И не смог вспомнить. Только что-то неясное, словно сквозь густой туман, мелькнуло в памяти. - А какой вопрос сегодня? - обратился он к Варе и сел на самую низкую скамейку около стола.

- Я толком не знаю, - все так же игриво ответила девушка. - Наверное, о твоей лошадиной польке будут говорить.

Виктора будто снегом обдало. Он как-то весь съежился, потер руки и, поведя на Варю мутными глазами, тихо проговорил:

- Ты уж хоть на собрании язык не распускай. Подняли шумиху! Подумаешь, выпил человек!

Вошли Ольга с Павлом. Павел подал Виктору руку - два дня не виделся с ним, - а Ольга только взглянула на бригадира как-то растерянно и села неподалеку на другую скамейку.

"Все родичи, - подумал Виктор, поглядывая на Павла и Ольгу. - Родичи... Еще Лариса придет. Если и проберут, так не очень больно. В своей семье все может быть".

Пришли еще две комсомолки, и вся организация была в сборе. Не хватало только самого секретаря. Виктор молча бросал взгляды на дверь: вот придет Лариса, а с нею - представитель. Наверное, так оно и есть: если Лариса задержалась, значит - там у

нее люди. Посоветуются, подготовят повестку и придут вместе.

Однако Лариса пришла одна. Виктор строго, с обидой поглядел на Варьку. Та тряхнула своими кудряшками и чуть заметно улыбнулась.

- Все наши? - спросила Лариса и села за стол почти напротив Виктора.

Варя ответила ей, что все, хоть это видно было и так. Но Лариса почему-то не спешила открывать собрание. Она что-то набрасывала на листке в косую линейку, о чем-то думала. Все настороженно молчали, так как знали, что собрание будет необычным, а Виктор еще не верил, что разговор может пойти о нем, что вот эти люди, его подчиненные, да к тому же еще и родственники, станут его пробирать. Он уставился в лицо Ларисе, силясь по ее глазам понять, что тут затевается. Но Лариса в этот момент не смотрела на него, и только по ее наморщинившемуся лбу, неспокойным ресницам и излишне быстрому, словно бы нервному движению руки с карандашом Виктор почувствовал, что приближается что-то серьезное. И вдруг им начал овладевать страх. Силясь преодолеть его, бригадир попробовал вспомнить: бывал ли он когда-нибудь раньше в таком положении? Всплыли два-три случая из времен службы на воинском складе, но они представлялись незначительными в сравнении с тем, что может произойти сегодня. Тогда забеспокоил вопрос: что ж тут можно будет сказать, как оправдываться, если вдруг начнут выкладывать все начистую? И не находилось, что сказать. С горечью Виктор вспомнил, что никогда раньше не думал, как это оправдываются, ибо не считал себя виноватым. Признаваться теперь в ошибках, бить себя в грудь? Нет, это совсем не то. Перед Ольгой да Варькой он никогда не станет на колени. А страх и растерянность невольно закрадываются в душу все больше и больше...

Лариса встала. Листок в косую линейку задрожал у нее в руках. В зале стало так тихо, что она услышала дыхание Виктора. Очень знакомое, близкое дыхание. Боязливо взглянула на мужа. Их глаза встретились. Виктор глядел на нее мягко, доверчиво и с таким испугом, что невольно вызывал жалость. Лицо бледное, сам он какой-то беспомощный. Казалось, вряд ли найдется сейчас человек, который мог бы бросить в это лицо упрек. Сцепленные в пальцах руки, наверное, также дрожат.

- Собрание нашей комсомольской организации, - начала Лариса деланно бодрым голосом, - считаю открытым. На повестке дня... - Голос ее вдруг снизился до шепота, задрожал, словно задыхаясь в груди. - На повестке дня один вопрос, - вымолвила она с огромным напряжением воли, однако уже чуть слышно.

Ей стало страшно. Вот уже и надо говорить... Уже? Сейчас?

Через какую-то минуту?.. Говорить перед всеми, что ее муж - очень плохой человек? Ее Виктор?.. И потом остаться без него?.. Без такого, каким он был еще так недавно. Одной, совсем одной!.. Только с горем своим да любовью. Такой любовью, какой, может, еще никто на свете не знал. И, наверное... У нее пожелтело в глазах. И, наверное, с сынком или с дочкой... Так дитя и не будет знать отцовской ласки.

- ...один вопрос, - повторила она и, закрыв руками лицо, стала бессильно клониться над столом. Варька быстро подставила ей скамейку.

Виктор протянул руки к жене, но в этот же момент поднялся с места Павел.

- Хоть я теперь и не в этой организации, - начал он, - однако попрошу слова насчет повестки дня.

- Говори, Павлуша! - сквозь слезы кивнула сестра.

Данила поздно не ложился спать. С вечера топал около хаты, все что-то подлаживал, чинил, а потом зажег свет и принялся искать себе какое-нибудь занятие в хате. Да разве найдешь за этой невесткой?

Он слышал от Ларисы, что сегодня собираются комсомольцы, и по ее виду догадался, что будут говорить о Викторе. Давно уже Данила не был ни на каких собраниях, а на это, если б пустили, пошел бы. И поскольку, значит, не пустили - Лариса сказала, что собрание закрытое, так, наверно же, закроют двери, - Данила решил дождаться своих и хоть по глазам узнать, чем там все кончилось.

Сидел на полку возле печи и подремывал. Дрема рвалась, как паутина. Для того чтобы в ту минуту, как только постучат, выйти и открыть своим двери, старик даже и не раздевался.

На ногах у него были валенки с бахилами. С самой весны Данила собирался перейти на какую-нибудь обувку полегче, да так почти все лето и протопал в бахилах. Лаптей не из чего сплести, а можжевеловые слабенькие, да и оборы трут-жмут стариковские ноги, особенно когда намокнут... Осунулся Данила: щеки впали, подбородок заострился, из-под него выпирает острый худющий кадык. Редко теперь Данила и брился, хоть сват почти при каждой встрече напоминал ему об этом. Молчал при таких встречах старик. Тяжко ему было признаться, что не заладилась его жизнь с сыном. Никому не сказал и о том, что несколько ночей скоротал в хлеву, рядом с телушкой...

Виктор постучал первым.

В хате он швырнул кепку на кровать, обеими руками пригладил волосы, отчего они еще больше всклокочились, и начал нервно шагать из угла в угол.

- Может, ужинать будешь? - робко спросил Данила, стоя у припечка, и потянулся отодвинуть заслонку.

- Отстань ты! - крикнул Виктор и еще быстрее забегал по хате.

Как только вошла Лариса, он сразу замахал на нее руками, словно продолжая разговор на собрании:

- Ну чего, чего дура рыжая лезет ко мне с этими поросятами? Чего? Жулика нашла? И Павел еще поддакивает. Пил я? Пусть пил. Гулял, буянил. Пусть! Но не воровал! Никто этого не докажет. Ясно? Отец ее всю свою жизнь крадет, а она молчит!

- Она не молчит, - спокойно проговорила Лариса, расстегивая кофточку. Больше Шандыбович не поживится колхозным добром! А ты, Витя, незаконно взял поросят с фермы. Я сама проверила. И меня ты обманул. Я у тебя когда-то спрашивала об этом. Помнишь?

- "Незако-онно"! - передразнил Виктор. - Что тут незаконного? Не оформил как положено? Так оформлю! Мне подпишут! Полфермы заберу, и мне подпишут!

Он, видимо, хотел выговориться, потому что на собрании больше глотал слова, чем говорил, хотел выместить всю злость на своих домашних.

- Не оформлять теперь надо, - строго перебила Лариса, - а вернуть ферме поросят и просить правление, чтобы не передавало дело в суд.

- Докопались! - с ненавистью говорил Виктор, вышагивая по хате. Насобирали!.. Исключили из комсомола. Наплевать мне на это ваше исключение! Ясно? Меня вся область знает! Не зачеркнет всё райком, так обком возьмется за вас! А в крайнем случае и без комсомола проживу! Все равно перероток.

- Связался ты с этим бородатым дьяволом, - подходя к своему полку, где Лариса взбивала подушку, сказал Данила. - Отсюда все и пошло.

- Что?! - крикнул Виктор так, что даже пламя в лампе задрожало. - И ты туда же? Ложись вот и дрыхни, когда тебе стелют! А то снова пойдешь в хлев... к чертовой матери!

- Виктор! - Лариса в отчаянии бросилась к нему, подняла руки, словно желая загородить от сына ни в чем не повинного отца. - Опомнись, что ты говоришь?!

- А чего он лезет в глаза все эти дни, житья от него нет. Чего он ходит за мной по пятам?

- Он же твой отец! - чуть не задыхаясь от возмущения, крикнула Лариса. - Сердце у него болит по тебе! Что ты думаешь!

- А он мне не отец! Ясно? - Виктор вдруг понизил голос, и лицо его стало чужим и страшным. - Нет у меня отца! И не было! И жены у меня теперь нет! Да, нет! Один буду! Жил без вас, так

никто мне ямы не копал.

Он схватил с кровати кепку и вышел, грохнув дверьми хаты и еще сильнее - в сенях.

Какой-то миг Лариса стояла, словно окаменев. Побелевшие губы судорожно вздрагивали, а глаза - сухие, лишь испуг, растерянность и безграничная обида были в них. Потом медленно, словно боясь, что не устоит на ногах, повернулась и увидела Данилу. Сидя на полку, старик надевал валенок, тот, что успел уже снять до этого. Высоко взбитая подушка нетронутой лежала на постели...

На улице было темно, а на лицо и руки падала густая изморось. Лариса знала, понимала, что вскоре после Виктора пошел куда-то и Данила. Пошел и ничего не сказал. Надел только свитку свою старую да взял в руки овчинную шапку. Оба ушли. Но Лариса не могла сейчас думать о том, чтобы их искать. Ни о чем она не могла сейчас думать. Пошла по улице только потому, что не могла оставаться там, в хате. Куда-то тянуло, в ходьбе будто бы забывалось все. Хорошо, что хоть жакетка на плечах. Не помнит Лариса, когда ее надела, видно, просто по привычке. А платка нет на голове, и не холодно, и изморось не чувствуется на волосах...

Сколько той крушниковской улицы... По ветру Лариса почувствовала, что вышла уже за околицу. Изморось стала оседать только на одной щеке да на кончике уха, не прикрытом локонами. Каким-то чутьем догадалась, что идет по той самой дороге, по которой ходила как-то весной...

Показалось - неподалеку зашумела река. Что ж, значит, скоро мостик. Тут все дороги ведут на мостик.

Настил был мокрый. Он не скрипел под ногами, как в погожий день. Можно было пройти мостик и не заметить, если бы под ним не гомонила, не шумела река. Лариса протянула руку. Перила были мокрые и скользкие. Провела рукой и остановилась. Волны из-под мостика мчались быстро, догоняя друг друга. И воды было больше, чем неделю назад. Видно, где-то прошли большие дожди. "Глубоко сейчас здесь!" - почему-то подумала Лариса. А страшно ей не стало. Раньше она боялась долго глядеть даже в колодец...

Скользкие перила... Если на них лечь грудью, то можно легко соскользнуть в эти волны, еще теплые и совсем-совсем нестрашные...

Лариса отшатнулась.

Что за мысли, откуда они?

Сразу появился страх.

"Не признаваться, не говорить никому об этом, даже самой

себе. Забыть эту минуту на всю жизнь! Как не стыдно! Мать моя четверых детей схоронила, при немцах целыми месяцами по болотам скиталась, а ни разу, верно, не подумала руки на себя наложить".

За ворот пробирался холодок. Подумалось, что можно простудиться без платка в такую погоду. А кому это надо? Виктору? Виктор не пожалеет, раз не любит. Если же любит еще, то пожалеет и вот такую, какая есть.

"Неужели не любит? Неужели все это было страшным обманом? И даже те незабываемые минуты, проведенные, кажется, так недавно вот на этом мостике? Или таким мелким и маленьким было чувство, что сразу остудил встречный ветер? Если так любить, то лучше не родиться!"

Едва сойдя с мостика, Лариса поскользнулась и чуть не упала. Дорожка еще больше размякла и потемнела, ее уже нельзя было отличить от свежей пахоты по бокам. Густая мгла чернела вокруг. В деревне уже давно не горели огни. Если хоть немножко затуманится голова, то можно сбиться с дороги или попасть на другую и пойти не в ту сторону.

Лариса зашагала быстрей...

Над хатой Бирюков шумела рябина: ветер крепчал, и осенняя изморось начинала переходить в спорый дождик. По этому шуму Лариса и узнала свой двор. Захотелось зайти, посмотреть, кто есть дома, но на дворе были такая темень и пустота, окна выглядели такими черными и хмурыми, что она побоялась заходить в хату. Вернулась и постучала в окно к своей матери.

Сердце матери почувствовало большое горе. Уложив Ларису в теплую постель на припечном полку (как раз на таком полку спал Данила), мать ночь напролет не смыкала глаз.

Назавтра Лариса еще на рассвете пошла к своему двору. После ночного шептания с матерью и хорошего, семейного разговора с отцом и братом у нее немножко полегчало на сердце. Ворота во двор были закрыты, но не так, как всегда. На столбик не был накинут обруч из скрученной лозы, что делалось каждый день; между колом изгороди и столбиком была недозволенная в этом дворе щель. Это сразу насторожило Ларису. Вчера, в таком волнении и растерянности, она могла не закрыть как следует ворота. Мог, конечно, не прийти или просто не обратить на это внимания Виктор. Но свекор? У старика никогда, сколько она помнит, не бывало, чтоб не проверил он, как закрыты на ночь ворота, хлев.

Вошла во двор. Мокрые двери сеней тихо качались на завесах. Всю ночь, видно, так качались. Есть ли кто дома?

В хате никого не было. Постель не разобрана, а на

Данилином полку так же, как и вчера, лежит высоко взбитая подушка. Лариса с тревогой в сердце выбежала из хаты. Подумала: может, снова старик ночует в хлеву.

Заслышав во дворе шаги, подала голос телушка. Видно, не кормили ее сегодня. На дверях хлева висел замок. Что делать, где искать Данилу? К соседям или так к кому-нибудь в деревне он не пойдет, век не ходил. Оставалось только посмотреть еще в колхозной риге, где был "веревочный комбайн".

Бросилась Лариса к воротам и вздрогнула от неожиданности: напротив двора стоял Мефодий и ласково кивал ей головой. Он показал знаками, что сам видел, как старый Данила ночью пошел в направлении деревни Гдень.

Лариса отдала ему ключи от хлева и хаты, а сама быстренько собралась и побежала.

Только на четвертый день ей посчастливилось узнать, где был Данила. Искала его всюду, расспрашивала по деревням, что поближе к гравийке (проселочными осенью тут не очень-то пройдешь - болота всюду), не обминала почти ни одного встречного, где пешком шла, где подъезжала на машинах. И уже, отчаявшись, хотела возвращаться назад, как в кузове одной машины, на которой ехала, услышала необычный разговор.

- А вчера наши хлопцы, - говорила одна женщина, - человека в болоте нашли. Вышли отаву косить, а он подал голос. Еще жив был.

Лариса изо всех сил забарабанила по кабине.

Шофер остановился.

- Где этот человек, где? - затормошила она женщину. - Старик?

- Да старик вроде, - ответила та. - Выбился из сил, покамест вылезал из трясины. Если б еще трошки, то и конец, не при нас будь сказано. А лежит он в нашей больнице... Это в Величковичах. Я сама туда еду.

В сельском медпункте Данила лежал один в небольшой палате. Когда врач ввела Ларису к нему, он спал.

- Целую ночь стонал и кашлял, - прошептала она. - Обессилел очень и простудился, наверно, долго просидел в болоте. Но опасаться, пожалуй, нечего - я сделала все, что нужно.

Лариса села на белую табуретку у ног свекра и стала ждать, когда он проснется. А какой там сон у старика, даже и при хорошем здоровье! Вот уже Данила снова тяжело застонал и закашлялся. С трудом повернулся на бок, к Ларисе, и раскрыл глаза. Сначала удивление и испуг мелькнули в его глазах, а потом бледные губы тронула ласковая улыбка.

Лариса прижалась щекою к его руке и заплакала.

- Что ж поделаешь, дочка? - вздохнул Данила и положил другую руку невестке на голову. - Так оно вышло. - Голос был глухой и сухой, в нем не чувствовалось никакой надежды на что-нибудь хорошее в жизни.

- Почему вы ушли? - спросила Лариса, подняв на свекра полные слез глаза.

- А что мне было делать? - часто дыша, заговорил старик. - Нет у меня сына, так и ничего нету. Все отдал ему... Все... Ты, может, не знаешь... А родители твои знают. Он у меня единственный был... И мать рано умерла царство ей небесное. Все я перенес бы... Все стерпел бы... а то, что он сказал...

Старик удушливо закашлялся, сморщился от боли и - замолчал. Часто-часто дыша, шевелил седыми обвисшими усами.

Лариса тоже начала думать о том, что лежало тяжестью сейчас на сердце у Данилы. В самом деле, как это пережить? Вырастил человек сына, а теперь... Вспомнился взгляд Виктора, когда он выкрикивал эти слова, что так тяжко ранили отца. Никогда не думала Лариса, что такие мягкие, серые глаза могут так жестоко и зло глядеть. Если бы сама не слышала, если бы сама не видела, никогда не поверила бы. И откуда он взял эти слова? Вместе росли, а Лариса ни разу не слышала об этом. Ни от Виктора, ни от своих родителей, ни от кого-нибудь другого.

Глубоко, тревожно вздохнув, Данила закрыл глаза, и Лариса не решилась в эту минуту смотреть ему в лицо. Ей показалось, что веки у старика задрожали, и если, не дай бог, из-под них выкатятся слезы, то и самой ей тяжело будет сдержаться, чтобы не расплакаться.

А Данила снова и снова возвращался в мыслях к самому тяжелому и непоправимому, что могло быть в его жизни... Если Виктор, значит, не его сын, то чей же он тогда? Чей? Неужели Шандыбовича? И Ульяна умерла из-за этого, и самому вот жизни нет. Что же это за доля такая, что за несчастье?..

- А где у вас болит? - спросила Лариса.

- В боку колет, - ответил Данила и раскрыл глаза. - И ноги очень уж ноют. А так можно было бы вставать. Натрудил очень ноги. Если б еще в лаптях был, а то эти валенки... И стежка еще видна была... Думал, напрямик пройду. А тут - стемнело. Куда ни подамся, еду вниз, хоть ты крестись да принимай смерть.

- Так вы бы на машину какую попросились...

- А кто ж меня возьмет на машину? - ответил Данила. - Если бы поллитровка с собой была или деньги... Да и дороги мои не очень-то машинные. Я хочу вон в Заболотье добраться, это, верно, и не нашего района. Туда еще для моих ног добрых два дня ходу. Параска у меня там, двоюродная сестра, должна быть еще в

живых. До войны-то точно жива была, передавали люди, а сейчас, может, и нет ее уже, кто знает.

- Поедемте, тата, домой, - с просьбой и настойчивым требованием сказала Лариса. - Я вас никуда не пущу. Достану машину, и поедем!

Старик медленно, но решительно покачал головой.

- Нет, дочушка, - хрипло проговорил он. - Нечего уже туда ехать. Хоть и жалко мне тебя, но не проси. Я доживу свое и там, хоть у чужих людей. Немного осталось. Корки хлеба и кружки холодной воды не пожалеют, а больше мне ничего и не надо.

- Я не оставлю вас тут, - с тревогой и вместе с тем с задушевностью заговорила Лариса. - Не выйду отсюда одна. А встанете, пойдете в Заболотье, так и я пойду с вами. Мне тоже нечего делать дома одной.

Данила остановил на невестке долгий, грустный взгляд, и лицо его посветлело.

- Что я там буду делать одна? - продолжала Лариса. - В свою хату, к родителям, я не вернусь. Если уж пришла к вам, то буду жить, что б там ни было. Буду за вами смотреть, как за родным отцом.

- Спасибо, - тихо молвил Данила. - Я знаю, что ты такая. Смотрела за мной, как дочка, и за это спасибо. Однако ж думаю я, что Виктор дома будет. Куда он денется?

- Виктора может и не быть дома, - чуть слышно проговорила Лариса, и глаза ее наполнились еще большей тревогой и грустью. - Он слишком гордый и самолюбивый, - добавила она уже более громко. - Ему не так-то легко будет одуматься и понять, что мы с вами не хотели ему зла.

- Го-ордый, - согласился Данила. - Такой гордый, что дальше некуда. Не знаю, в кого и удался такой. Мать была тихая и себя и людей уважала. Ну и я, кажись, тоже...

Тут Данила снова умолк.

- Но я все же буду ждать его, - сказала невестка, - долго буду ждать. Всю жизнь буду одна, со своим...

"Горем, - подумал Данила, вслушиваясь в слова невестки. - Конечно же, с горем, а с чем же? Горе, видно, никого не обминает".

"Со своим маленьким", - подумала невестка и тихим шепотом, словно только самой себе, сказала:

- С вашим внучком, если все будет хорошо...

Данила как-то живо приподнялся:

- Что ты, дочка?

Лариса не повторила того, что сказала, а только еще ниже опустила голову.

- Ага, - проговорил Данила и дотронулся до ее плеча рукою. - Если так, то я понимаю... Понимаю, дочка... Что ж это я раньше?.. Га?.. Вези меня домой, если так. Останусь живым, нянькой тебе буду, помогу растить внука.

Они хотели ехать в тот же день, но врач не пустила их. Пришлось старику полежать, а Ларисе - продежурить около него еще трое суток. А потом она выпросила в Величковичском колхозе машину, и они выехали...

Когда Лариса со своим отцом помогали Бирюку слезть с кузова машины, к ним неожиданно подошел совсем незнакомый Ларисе человек, поздоровался и молча взял старика под руку. На улице было уже темно. При свете лампы в хате человек сел возле полка, напротив Данилы, и спросил:

- Что, не узнаете меня?

Данила вгляделся в его лицо и неуверенно произнес:

- Будто кто-то знакомый, но не узнаю, память стала стариковская.

- Мы встречались с вами зимой, помните? Дрова вместе везли.

- А-а, помню, помню. - Данила протянул человеку обе руки. - Это вы из зоны этой самой, эмтээсовской? Конечно, помню. Если бы не вы, замело бы меня тогда. Что же не приезжали? Обещали ведь заехать.

- Да все некогда было, - чуть смутившись, ответил человек. - Но теперь я уже часто буду тут у вас.

- Это наш теперешний председатель, - сказал Ларисин отец. - Пока вас не было, тут и собрание у нас прошло. Присоединились мы теперь к соседнему, Гденьскому, колхозу, а там председателем - вот они. - Криницкий показал глазами на бывшего инструктора.

- Ждали мы вас, - сказал новый председатель. - Я уже хотел посылать машину за вами. Отдыхайте, поправляйтесь. А вас попрошу, - он повернулся к Ларисе, - зайти завтра на правление. Нам с вами есть о чем поговорить, да и секретарь нашего комсомольского комитета давно вас ждет.

Виктор не бродил тоскливо по улице после того, как больно обидел отца и жену, не искал уголка, где можно было бы спокойно все продумать, заглянуть себе в душу. Не было у него тяги к одиночеству даже в такие необычные минуты.

Шандыбович сначала не хотел отзываться на стук - было уже довольно поздно, но, услышав голос Виктора, поднялся, зажег лампу и впустил в хату запоздалого гостя.

- Что-то вас сегодня сон не берет, - сердито буркнул Виктору, закрывая за ним двери. - И моей до сих пор нету, и ты среди ночи

шляешься по дворам.

- А где же Ольга? - понуро спросил Виктор.

- А черт ее знает! - сквозь зубы проговорил Шандыбович. - Наверно, где-нибудь с твоей трещоткой-болтушкой, а то, может, с твоим шурином...

- Сегодня ваша трещала хуже всех, - с упреком сказал Виктор. - Не пожалела никого, даже родного отца.

Шандыбович насторожился.

- А что это у вас там было, комсомольский сход?

Виктор кивнул.

- И что же она там?.. На меня что-нибудь?

- Все ваши копии разложила на столе, - сказал Виктор и развел над столом руками, как бы желая показать, как все это было.

Шандыбович испуганно вытаращил глаза, задергал бородой, потом схватил лампу и выбежал в сени. Там он долго копался, что-то переворачивал, а Виктор все это время сидел в темноте и слушал, как возле печи на полку тревожно вздыхала хозяйка. Вернулся Шандыбович с побледневшим лицом и красными злыми глазами.

- Это все твоя! - крикнул он так, что и хозяйка подняла голову. - Не думал я, что ты такой слизняк! Даже жене своей не двинул при надобности по зубам, чтоб прикусила язык, а не то что еще кому-нибудь. На порог тебя, дурака, не надо было пускать!

- А вы своей дочери двинули по зубам? - тоже начиная злиться, спросил Виктор.

- При мне этого не было, что теперь при тебе! - закричал Шандыбович и начал размахивать перед собой кулаками. - На я двину! Так двину, что аж искры посыпятся. Я выплыву, за меня не бойся! Меня голыми руками не возьмут. Если меня возьмут, так половина правления за собой потяну. А вот тебя, оболтуса, сбросят с бригадирства к чертовой матери да еще и под суд отдадут. И женушка твоя комсомольская ни в чем не поможет!

- Я пойду поищу Ольгу, - приподнялась хозяйка.

- Лежи! - строго приказал ей Шандыбович и с ехидной улыбкой наклонился к Виктору. - Там в некоторых документиках и твоя почтеннейшая подпись поставлена, короткая, с длиннющим хвостиком.

- Я ничего такого не подписывал, - возмущенно проговорил Виктор и поднялся.

- Подписывал, брате, да только память у тебя куриная, очень быстро забываешь.

- Не подписывал я!

- Подписывал, - с кривой ухмылкой продолжал Шандыбович. - После чарки ты даже смертный приговор своей собственной жене можешь подписать. Вот смотри! - Он вынул из кармана чистый лист бумаги, развернул его и поднес к лампе. В самом низу листка стояла подпись Виктора: буква "Б", похожая на сидящую мышь, и от нее длинный извилистый хвост.

- Ну и сволочь же ты! - неожиданно вырвалось у Виктора. - Не знал я!

- Это ты сволоч-шь! - Шандыбович зашипел, как змея, и, выставив вперед бороду, приблизился к Виктору. - Думал, на мне выедешь? Вон из моей хаты! Байстрюк! Чтоб мои глаза тебя больше не видели...

На улице в лицо Виктору дул пронизывающий ветер, густая изморось лезла в глаза. Идти некуда было, разве только в конюшню к Мефодию или в клуб. Решил пойти в клуб. Пришел, сел на то место, где сидел во время комсомольского собрания, уронил голову на руки. Жаль было, что не двинул Шандыбовичу в морду, - это бесило больше всего. Даже рука сжималась в кулак, когда думал о том, как эта поганая борода издевалась над ним. Злости и обиды на самого себя почему-то не было.

Проснулся Виктор поздно, даже позже своего обычного времени. Почувствовал под боком голую скамью, вспомнил про вчерашнее. "Верно, некоторые рады, что со мной так случилось, - подумал он. - Поглядывают в окна, шепчутся. Вот я им сейчас покажу!"

Он прошел на конюшню и приказал Мефодию седлать жеребца. Решил проехаться по улице со всей своей выправкой и бодростью, с улыбкой на лице, чтоб все видели, что жив бригадир и власть прежнюю имеет, невзирая ни на что.

Но Мефодий вышел из конюшни почему-то без жеребца.

- Что? - вскинул бригадир на него глаза.

Мефодий развел руками и покачал головой. Это, как Виктор понял, означало, что нету в конюшне жеребца.

В чем же тут дело? Виктор направился в конюшню сам, но Мефодий вдруг преградил ему дорогу. Поднял бригадир руку, чтобы оттолкнуть конюха, но тот молча и очень уж выразительно взялся за вилы.

Пришлось отступить. Понял Виктор, что старый конюх знает обо всем и не считает более его бригадиром. Значит, и никто другой не считает.

Страшно захотелось хватить водки да закусить чем-нибудь горьким или кислым. В Крушниках уже неудобно было искать этого, и Виктор пошел к "вышковцам". Пил и ночевал в палатках возле геологической вышки.

Потом и "вышковцы" узнали, что он уже, по существу, не бригадир, и перестали приглашать на выпивку. Начальник геологического отряда предложил Виктору взяться за работу, если хочет: подносить разные инструменты, копать пробные воронки. Но такая работа, во-первых, никогда и не снилась Виктору, а во-вторых - у всех на виду. Прихватив дома шинель да те сапоги, что когда-то подарил отцу, он подался в сторону районного центра. Шел - свежело в голове, думалось: почему это хату ему отпирал Мефодий? Где же тогда отец, где Лариса? Зря не спросил об этом Мефодия...

Пробовал вспомнить, что было с ним на протяжении трех прошедших суток. Мелькали кое-какие эпизоды, звучали кое-какие слова, а все остальное заволакивалось туманом. Говорил ли кто-нибудь в эти дни об отце, о Ларисе? Кто его знает, может, и говорил, но в памяти ничего не осталось. Совсем ничего.

"Куда идти? В район? А там что? Может, в область податься оттуда? Может, в Минск?.. Только бы не видеть этих... Кого? Неужели отца и жену? Нет, не то. Зря обидел старика. Все ж таки он отец мне. Родной отец. И так любил меня и баловал... Все борода рыжая виновата. Пройдоха! Недаром люди говорят, что поклепы на соседей писал. Сколько он мне наговорил грязного про людей, какие шуточки насчет отца отпускал!"

Противным, ненавистным представлялся теперь Шандыбович, непонятными и несчастными отец и Лариса. Скребло и щемило на душе у самого. Собственное положение тяжело было даже представить. Спросил бы кто, куда ведет дорога, и не смог бы ответить. Может, в райком, может, в обком, а может, просто в правление колхоза своего. И уязвленное самолюбие, и стыд, и еще много всяких чувств, каким в этот момент даже нельзя было найти названия, гнали его прочь от родной хаты, от родной деревни.

"А если придется в городе таскать мешки с мукой, грузить уголь?"

Холодок пробежал по спине, а в памяти промелькнули оседланный жеребец перед окном Шандыбовича и конюх Мефодий с уздечкой в руках.

В этом году весна была не такой ласковой, как в прошлом, однако Ларисин лен рос на славу. Цвел не хуже, чем в прошлом году, и сине-голубое море его выглядело еще более широким и необъятным.

Быстро пролетали летние дни. Казалось, только-только всходило солнце, искрилось длиннющими лучами в росе, а вот гляди - уже и обед, пора бежать домой, кормить маленького Даньку. Казалось, час тому назад солнце стояло чуть не над

самой головой, девчата из звена старательно закрывали лица косынками, а вот гляди - уже и закат, отара овец подается ближе к деревне. Легко дышалось в поле, не так больно отдавалось в душе немое "ох"...

А дома с маленьким оставался Данила. Внук редко плакал на руках у деда, посасывал потихоньку соску, если не спал, а то смеялся и резво сучил ножками. Мать они оба встречали радостно.

Сидел однажды Данила на своем полку, держал на руках внука и думал: "Дал бы бог еще хоть десяток годков прожить, подгодовать вот этого человечка".

Растил бы он внука совсем не так, как сына. И сам теперь жил бы не так.

Вдруг тихонько отворились двери в хату. Данила обернулся.

У порога стоял Виктор в стоптанных кирзовых сапогах, в шинели с истрепанными полами.

- День добрый, - глухо сказал он и не тронулся с места.

Данила без радости и, казалось, без удивления кивнул, отвернулся, а потом низко склонился над внуком...

- Где Лариса? - спросил Виктор.

Старик не сказал ни слова, только внук почему-то шустро заработал пухлыми ручонками и засмеялся. Он, верно, подумал, что пришла с работы мама.

1955